

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ИРМАТА АРЬЯР

МЕЛОХРАНИТЕЛЬНИЦА
ЕГО ТЕМНЕЙШЕСТВА

Академия Тьмы и Теней

Annotation

Лика с блеском и грохотом... поступает в Академию Тьмы и Теней, почти не скрывая, что она — Лунная дева, жрица богини любви, которым запрещено появляться на земле темных. Демон и любовь, что может быть нелепее? Но что значит угроза казни для той, кто повелевает драконом Смерти? Лике только весело. И, конечно, нарушительницей демонического спокойствия тут же заинтересовался Темный Трон. Уж не охотится ли жрица враждебной богини за головой наследника?

Ирмата Арьяр

Телохранительница Его Темнейшества (сборник)

© И. Арьяр, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Проникновение в оплот тьмы

— Взять ее!

Попробуй! Взмах рукой. Царапины от моих когтей на щеке черноволосого и синеглазого парня засочились кровью.

В меня тут же вцепились со всех сторон пучки заклинаний. Отбилась, раскрыв магический веер с тонкими стальными спицами — каждая заговорена, кончики загнуты крючком. Нити заклинаний рвались от моих взмахов, хлеща по своим же создателям.

— Взять ее живой, мой принц? — уточнил спутник брюнета, серый и невзрачный — отвел глаза и забыл, что кого-то видел.

— Да!

Ох, сила Лойт, спаси меня!

Моя подруга Миранда — умница, красавица, демоница — давно уже сползла тихохонько по стеночке. В обморок. Было от чего упасть. Располосовать рожу принцу Тьмы — это надо суметь. Плохой у него телохранитель. Может, он настолько плох, что мне и сбежать удастся?

Прыжок к окну. Высоко, мрак! Зацепилась крючками веера, подтянулась.

Мою ногу захлестнула магическая плеть, связала. Но я уже вцепилась в подоконник, вогнав когти в мягкий мрамор, как якоря. Резким движением стряхнула с ноги модную туфлю на высоченном пятигранном каблуке с остро заточенной накладкой на ребре. Чем не нож? Особенно если каблуки заколдованные.

— И что ты медлишь, Дамир? — раздраженно спросил принц. — Тащи эту прыткую кошечку вниз, я ей для начала когти вырву.

А уж как полезны у туфелек металлические набойки в виде пентаграммы!

Сброшенная туфля, зацепившаяся за натянутую плеть, от нового рывка шлепнулась на пол, тяжелым каблуком вниз. Я успела метнуть заклинание, и набойка выбила в мраморе небольшую щербину. Пентаграмма есть? Слегка косая и смазанная, но есть. Замечательно!

Повиснув на одной руке, я щелкнула пальцами, заклинанием подхватывая рожденные столкновением металла и гранита искорки. Почти невидимые и совсем крохотные, но они были. Осталось раздуть их.

Перестаралась.

Из крохотной щербинки с гулом вырвалось багровое пламя и плеснуло во вражеские глаза. Натяжение связавшего меня кожаного ремня резко ослабло. Ага, не нравится!

Заклинание огня — это, конечно, риск. Темные — а по легенде, я такая же демоница, как и моя подруга Миранда, — не могут пользоваться светлой составляющей огня, но ведь брать от него можно по-разному.

Шквал темно-багрового, адски жгучего пламени я направила на захватившую меня плеть. Увы, пережечь ее не удалось. Принц играючи приклепнул мой блуждающий факел сполохом тьмы.

Я дернула ступней, сбросив вторую туфлю, она кувыркнулась в воздухе и рассекла наконец мои путы. Но от рывка мои когти едва не обломились, а красивый маникюр мне дороже жизни. Спрыгнув с подоконника, я покатила кубарем. Принц с его прихвостнем брезгливо посторонились. Дверь, к которой я метнулась, с грохотом захлопнулась перед носом.

В помещении резко потемнело от появившихся прямо из воздуха воинов Тьмы устрашающей наружности: мордатых и рогатых, клыкастых и когтистых. Боевая ипостась у демонов безобразна. Чтобы враг ослабел и слег без боя от неодолимого отвращения.

Я сосредоточилась, стараясь никого не выпустить из поля зрения. Что теперь? Принять бой? Но не могу же я открыть все карты вот так сразу! Могли бы спасти крылья, но мне запрещено их выпускать под страхом смерти. Раскрою — точно убьют. С особой жестокостью.

Потому что для этих темных настоящая я — хуже, чем ведьма для светлых магов. Я — сельо, лунная дева. Впрочем, и для светлых такие, как я, гаже, чем даже ведьмы. Никто не любит лунных дев. Бедные мы, несчастные... Сдаться, что ли, добровольно? Или дракона вызвать?

Не успела.

Синие глаза принца резко почернели, как грозовое небо, и Тьма обрушилась, стала вещественной, липкой и плотной. Не больно, но монументально, как застыть в бронзе.

Руки-ноги обездвиженной мне тут же скрутили какие-то рогатые козлы и — удивительное дело, ибо, по ощущениям, я стала камнем, не способным шевельнуться, — поставили меня на колени перед наследником Темного Трона, придерживая за волосы.

Моя коса! Мстить буду за каждый вырванный волосок! И неважно, что теперь волосы покрашены в противоестественно-черный, хотя на самом деле я блондинка. На что только не пойдешь, чтобы поступить туда, куда нельзя!

Принц молчал, с нехорошим прищуром разглядывая меня.

Что-то слишком долго он изучает. Неужели — тут сердце екнуло — эта маленькая схватка повредила моей маскировке? Не может быть! Надо мной такие лунные магини трудились!

Я скосила глаза на свои руки. Кожа по-прежнему кажется смуглой. Выбившаяся из прически прядь — черная. Может, тушь размазалась? Или — спаси богиня! — магическая окраска радужки глаз иссякла, и принц, задумчиво разглядывавший добычу, видит вместо поддельных темно-карих глаз демоницы мои родные ярко-бирюзовые?

— Что тут происходит?! — дверь в зал распахнулась, ворвался какой-то маг со звездой магистра на черно-зеленой мантии. Тощий, словно сушеный кузнечик. Вбежал и как на стену наткнулся, замер с выпученными глазами, а через миг я уже видела только его макушку — так низко он склонился перед молодым наследником. — Ваше высочество!

— Я забираю у вас вон ту... др-рянь, — прорычал черноволосый.

Не идет ему рычание. Совсем. Такой красавчик рычать не должен. Да и где его высочайшая выдержка?

— Ваше высочество, какая честь! — а это уже сам ректор пожаловал, плешивый крохотный старикашка, похожий на подземного жителя. И тоже обомлел, разглядев и раскиданные по полу изящные тувельки, и боевую травму на щеке принца. — А... э-э... что случилось?

— А ты не видишь, мэтр Вултон? — взбешенный наследник схватился за щеку. — Ваша ученица посмела поднять на меня руку!

— Она еще не наша ученица, ваше высочество, — тут же отмазался старикашка. — Пока абитуриентка не прошла последнего испытания и не зачислена в Академию, за нее отвечает ее клан.

— Она сама мне ответит, — хищно улыбнулся синеглазый. — Я лично устрою ей

...А ведь только что я, вся такая юная, мечтательная и романтичная особа, млела от счастья, увидев свое имя в списке допущенных к собеседованию и третьему, последнему, испытанию в Академии Тьмы.

Далеко не всем поступающим, приехавшим покорять Кардерг, темную столицу страны демонов, выпадала такая удача. Обычно их документы и не рассматривались: как только захолустный соискатель славы боевого мага в полной уверенности, что он уже принят, поворачивался спиной к темным магистрам, бумаги просто исчезали со стола приемной комиссии.

Потому что только полный бездарь мог не заметить, что стола как такового нет, а под иллюзией столешницы спрятан металлический ящик, на треть наполненный прахом истлевших бумаг и надежд.

Я свою папочку с фальшивыми документами положила на небольшой сквознячок, удержавший бумаги на весу, и не отошла, пока не получила расписку в получении моих сокровищ.

Зато магистры отомстили мне на полевых испытаниях, а результаты вывесили только сейчас. Надо сказать, я весьма опасалась не увидеть себя в списке прошедших.

Пока я наслаждалась строкой «Лика Тария — допущена до финального испытания» (а заодно вдолбив себе еще раз, что именно так меня сейчас зовут), подруга Миранда изучала соседний список — факультета превращений, куда поступал ее приятель Тай.

— Тай не прошел! Как же так? — всхлипнула она.

— Не расстраивайся, — я обняла ее за плечи. — Поступит на следующий год, вот увидишь. Мы тоже еще не поступили, Мира, у нас последнее испытание осталось.

Но моя подруга любила поплакать, дай только повод.

Вот тогда-то он и появился, этот черноволосый повод. Я засекала движение позади, развернулась. Узрела двух высоких парней.

Один — яркий, до рези в глазах, с бровями вразлет, длинными блестящими черными волосами и до невозможности синими глазами.

Второй — совсем серенький и невзрачный. Таких так и называли — «серые тени». Между прочим, опаснейшие типы из темного воинства.

Оба одеты в простые черные костюмы без знаков отличий. Что-то вроде формы старшекурсников.

Откуда они взялись?

Дверь не открывалась: я бы почувствовала по сквозняку. В окна эта парочка тем более не могла проникнуть. Во-первых, рамы с витражами цельные, без створок, и вмурованы в стены намертво. Во-вторых, на них магические щиты. В-третьих, с высоты человеческого роста совсем бесшумно не спрыгнуть. Опять же, движение рождает воздушные потоки и игру теней. Вот из теней эти демоны и явились.

Посторонних за спиной я заметила лишь тогда, когда черноволосый нарочито шумно шагнул к нам.

— И почему тут сырость разводят? — скривился он. — Не поступили? И правильно!

Девчонкам не место в Академии Тьмы.

— А кому тут место? — вскинулась я. — Всяким мальчишкам-грубиянам?

— Лика, не связывайся, — Мира шмыгнула носом. — Пошли к испытанию готовиться.

Парень подошел ближе, глянул поверх моей головы на список допущенных, а его спутник скользнул, как нож, и отсек от меня подругу.

— Лика... Тария, — черноволосый мгновенно нашел мое имя. Опустил на меня насмешливый взгляд. — Так это ты? Так и быть, я скажу, где место таким красоткам.

Еще шаг, и эта громада под метр девяносто нависла надо мной. Я и дернуться не успела, как он, схватив мои руки за запястья, завел их мне за спину, одновременно прижав меня к себе, и шепнул на ухо:

— Твое место — в моей спальне, Лика.

Вот и получил коленом в пах и когтями по наглой морде. На ней же не было написано «принц Дьяр, наследник Темного Трона». Хотя, между нами говоря, догадаться несложно по характерному цвету глаз. Но вдруг это иллюзорный цвет, как у меня? Демоны любят подражать царствующей династии.

Зато теперь каждый, умеющий читать, мог прочесть: «Гад». Три оч-чень простые руны из пяти черт. Я их рисую одним росчерком, складывая по-особому пальцы.

А потом и началось...

Точнее, закончилось. Моя карьера темного боевого мага, мое задание в Кардерге и моя свобода.

* * *

— А что я скажу клану Вечерних теней? — насупился ректор, стараясь на меня не смотреть.

— Не пришла, не вышло, не прошла, — предложил принц. — В списках не значится.

Все дружно посмотрели на список. Он явно только что укоротился на одну строчку.

— Но свидетели... она же не одна приехала... — заикнулся тощий магистр, так нервно теребивший ворот, что по краю он расползался ядовито-зеленым мхом.

— Сколько свидетелей? — уточнило высочество. — Надеюсь, не вся Академия?

— Вся! — тут и старичок ректор сосредоточился на выковыривании невидимой пылинки с рукава мантии. В лицо принцу он старался не смотреть, как и первый магистр. — Увы, вся. После такого-то. Я отправил доклад вашему отцу.

— Владыка отсутствует, а я не успел еще ознакомиться с вашими бумагами. Но наслышан... Так недавний разгром ее рук дело? — поднял бровь Дьяр.

Все дружно посмотрели на меня.

А я вся такая невинная! Поставлена демонами на колени, как кающаяся грешница, но вот нисколечко не раскаиваюсь. С чего бы? А не надо издеваться над провинциалами!

Ну не насмешка ли — дать задание на деление... членистоногих! Да еще с таким вывертом. Разделите, мол, нам жужу альчийскую. Как хочешь, так и понимай.

Кто по видам и подвидам начал раскладывать, кто-то зверски разодрал на жвала-лапки-крылышки, а я свой экземпляр — двухметровое хитиновое чудовище — разделила на два помельче, потом еще раз на два каждое.

И делила, делила, пока они не стали мельче блох и не попрятались от меня под мантии

магистров.

Комиссия вся учесалась, а микрожуи альчийские в страхе разбежались по всей Академии. Пришлось им — не журам, а магистрам — на здание блокировку купольную ставить, чтобы мелкие, как пыль, твари в город не просочились, карантин объявить. Потому в здании сейчас и пусто: все заняты санобработкой.

А надо было, как выяснилось, не делить, а умножать, как с перепугу и сделала Миранда! То есть создать иллюзорные отражения. Разве это не издевательство? Вот пусть теперь и чешутся.

А мне вынуждены были поставить зачет, так как не только деление, но и умножение налицо, да и под мантиями ползало.

Особая прелесть в том, что на своих, то есть моих ребят из клана Вечерних теней, ни одна тварь не осмелилась раскрыть крохотную пасть. Жалко, что жужечки не уцелели после санобработки. Что, совсем ни одной?

Принц внезапно дернулся, заведя руку за спину, дотянулся до лопатки и с остервенением поскреб.

Державшие меня охранники ослабили хватку и тоже украдкой почесались кто где.

— А кто отличился на втором испытании? — выдавил Дьяр, странно дрыгнув ногой, словно пытался сбросить кого-то невидимого.

Ректорский перст указал на меня.

Нашли козу отпущения. Задания надо нормальные давать на экзаменах, а не пытаться подло отомстить бедной выпускнице сельской магической школы! Кто просил так академически запутать элементарную задачу на вычитание?

В билете требовалось вычесть из подобного подобное.

А в испытательном зале на новичков выпустили черт-те что. Причем в стае иллюзорных особей одна была настоящей. Пока иллюзии щелкаешь, оригинал сожрет тебя с потрохами. Правда сожрет. Это же демоны!

Если на остальных натравили сонных волколаков или вялых в полдень зомби, то создательницу жужек особо уважили.

Когда дошла очередь и меня пригласили в огромный зал, ни мига не дали на размышление. Спустили горгулий. А я их боюсь, как Миранда — мышей. И как успеть вычесть что-то из чего-то, когда на тебя несется воющая стая одинаковых зубастых тварей? Которая из двух десятков — настоящая?

Я едва удержалась, чтобы не распахнуть крылья и не удрать.

Призвала дракона. Точнее, драконьша. Уж он-то сразу разобрался, где иллюзия, а где — пища, и погнался за настоящей горгульей, отмахиваясь крыльями от безобидных иллюзорных.

Приемная комиссия под столы нырнула, едва узрев, кого я призвала.

Крылатые твари быстро разнесли зал и вырвались на волю. Горгулья попыталась сбить с хвоста преследователя, как воробей — ястреба, метнулась в раскрытые по случаю лета окна корпуса...

Так они ныряли и выныривали, круша корпус за корпусом. Дракон, конечно, пожрал врага, но ему показалось мало, на один зуб, и он еще погнался за магами.

Академия теперь закрыта на срочный ремонт.

Зато никто не мог придраться, что задание не выполнено. Из подобного подобное вычитать можно разными способами, а никаких ограничений на креатив в билете не

значилось.

— Проклятье! — на разукрашенном лице принца Дьяра вдруг нарисовалась мучительная гримаса, а рука полезла в штаны, чтобы поскрести и там, но под изумленными взглядами свидетелей бесстыдства быстренько вынырнула. — И почему вы допустили такую разруху и вовремя не уничтожили дракона?

Хо-хо! Попробовал бы кто уничтожить моего любимца Шурша! Он будет только рад.

— Это был детеныш дракона смерти, ваше высочество, — громко шепнул ректор.

Принц нервно сглотнул.

— И кто его отозвал?

— Кто призвал, тот и отозвал, — указал на меня ректорский перст.

— С каких это пор дети клана Вечерних теней повелевают драконами смерти? — прищурились синие глаза. Но тут в их владельца вцепились мои послушненькие жужельки, и он схватился за... ах, какие нескромные жужельки! Принц прорычал: — Р-р-разбер-р-ремся! Не я, так папа! Когда вернется!

Хватка на моей шее усилилась: охрана опомнилась.

— Но, ваше высочество, месть клана... — занял мэтр Вултон.

— Ерунда! Мне они мстить не осмелятся, — Дьяр покосился на первого магистра и распорядился, показав на почти слившееся с тенью тело моей подруги Миранды, прикинувшейся дохлой. — Вынесите это, нам лишние свидетели не нужны.

Магистр в черно-зеленой мантии, взвалив на плечо мою последнюю надежду на спасение, поспешно выбежал, хлопнув дверью. Дьяр повернулся к своему телохранителю — «серой тени» — и показал на меня.

— Дамир, возьми ее облик и останешься пока тут. Вот проблема и решена, господин ректор. Никто и не заподозрит. Да, имя девушки в список надо будет вернуть. Когда следующее испытание?

— Завтра, — отозвался ректор.

— Организуем несчастный случай с бесследным исчезновением тела, — хищно прищурился на меня принц. — Свидетели подтвердят, и никаких вопросов у клана не возникнет. Мало ли случайностей бывает при поступлении в Академию Тьмы.

— Но... — попытался возразить ректор.

— Ремонт корпусов я оплачу из своих средств, и папа, когда вернется, не станет на вас сильно злиться.

— Согласен! — Вултон щелчком пальцев восстановил в списках строчку с моим именем.

Продажная сволочь!

Миранда, надеюсь, уже в безопасности. Только ее присутствие и сдерживало — боялась, что на ней начнут отыгрываться. И боги с ней, с моей роскошной косой — новая вырастет, если меня не казнят за покушение на наследника Темного Трона. Но жа-а-алко... растила, растила, а тут из-за какого-то темного наследного прыща лишаться девичьей красоты! Да и лунная дева без косы — как вампир без клыков. Одно название.

Сколько же можно терпеть унижение твоей жрицы, великая мать Лойт? Магическая веревка на руках и ногах давно перетерта заклинанием и держится только за счет иллюзии. Ну помоги же мне, богиня!

И богиня слышала.

Вплетенная в косу, невинно завязанная на конце бантиком пестрая лента вдруг ожила,

цапнула охранника змеиными зубками. С парализующим ядом.

Пострадавший сбрыкал на пол костями, за ним моментально последовал второй демон. Змея снова завязалась бантиком, а я рванула к дверям.

Маленький ректор отлетел с моего пути как мячик. Стоявший между мной и дверью рогатый шкаф из охраны принца получил кулаком по фасаду. Чуть руку не отбила! Рванула на выход, пинком раскрыла дверь и...

Он только что стоял за спиной под высоким окном!

Только что! Я врзалась в его грудь с разбега.

— Иди ко мне, милая, — томно протянул Дьяр. Его руки железным капканом сомкнулись за моей спиной, и бантик на косе не успел развязаться: сомкнулись не только руки принца. Взметнулись крылья Тьмы, окутали с головой, дышать стало невыносимо тяжело, и я разинула рот, как вытащенная на берег рыба. Чем и воспользовался этот негодяй.

Даже в страшном сне мне не могло присниться, что мой первый поцелуй будет таким вот. Принудительным.

Вся династия владык Темного Трона, с ужасом вспомнила я, мыча и брыкаясь, отличается особой магией. Хуже их только специализированные демоны-инкубы. Как ни трепыхалась я, несчастная, но атака была столь стремительной, а мои ощущения так новы и... неожиданно приятны, что сознание поплыло. Я взмолилась в мыслях: Лойт, спаси!

Принц наконец отпустил мои губы, шепнув:

— Сладкая моя, ты заплатишь мне кровью за кровь.

Жужельки!

Дьяр дернулся. Полог из крыльев разошелся. Руки принца расцепились. А сам он торопливо пробормотал:

— Осмотрись пока, познакомься со своим местом. Я скоро вернусь.

Закутался в крылья и... исчез.

Наверняка на санобработку умчался, с облегчением подумала я, оглядываясь.

Мама! Где я?!

* * *

В спальне, можно даже не сомневаться.

Хотя очень хочется усомниться, но вон то сооружение на полкомнаты, застеленное черным покрывалом, не оставляет места для двусмысленности.

Кроме этого грандиозного намека на безудержную сексуальность и тщеславие принца Дьяра, о котором было известно, что он ни одной юбки не пропускает (не зря я заявила в столицу в штанах, обычно презираемых лунными девами), в комнате имелись: полки вдоль стен, черный ковер на полу, кресла и стол с черепом какого-то бедолаги, канделябрами, чернильницей, какими-то явно магическими штуковинами хищных очертаний и стопкой книг.

По стенам, кроме книжных полок, развешаны мечи, кинжалы, пара нескромных картин с обнаженными девицами и портрет самого принца Дьяра в парадном одеянии. Ишь, стоит, весь в черно-серебристом — взгляд орлиный, стать молодецкая, осанка надменная, плечи широкие, бицепсов даже плащ не может скрыть. Красавец редкостный, ничего не скажешь. Самовлюбленный и беспринципный негодяй, как и полагается наследнику Темного Трона.

И что-то не вижу я здесь входов-выходов. Полна горница зверей, а ни окон, ни дверей... Как бежать прикажешь, богиня Лойт? Через камин?

Я резко повернула голову на какой-то шорох в углу. Показалось.

И тут обнаружила, что волосы у меня почему-то распущены, а пестрая лента исчезла бесследно, как растворилась. На плечи внезапно легли чьи-то твердые ладони, и сердце ухнуло в пятки.

— Продолжим, Лика, — прошипел на ухо кошмарно злой голос принца. Нетрудно догадаться, что он во время санобработки добрался до зеркала и разглядел мою надпись на своей щеке.

— Что продолжим?

— Наше бурное знакомство.

— А может, не надо? — жалобно. И еще жалобней: — Я же не знала, что вы — принц... Я не хотела!

Тут главное — не переиграть. Пусть считает, что я трепещу осиновым листочком, а не пытаюсь изо всех сил сдержать смех.

— Незнание не освобождает от ответственности... — отодвинув мои волосы, демон скользнул прохладными губами по шее.

— Вы первый меня оскорбили!

— А разве я к тебе хотя бы пальцем прикоснулся? Ты начала неадекватно отвечать, а я продолжу еще более неадекватно, — продолжая исследовать мою шею, он обнял меня за талию, мягко подталкивая к ложу.

— Но вы так... благородны, ваше высочество! Вы же... — я ойкнула, обнаружив, что он ловко расстегнул застежку моей куртки и принялся за шнуровку рубашки. — Вы же не уподобитесь грубым насильникам?!

— Разве я груб? — хмыкнул он, а его холодные пальцы ласково очертили мои ключицы. — Хотя ты заслуживаешь не просто ответной грубости, а особо жестокой.

Какие-то слишком холодные пальцы, как змеи. А у высших демонов Темного Трона кровь горяча, как лава. Может, это уже не принц, а его «тень»? Богиня предупреждала, что их сложно различить внешне. Вот если бы он меня снова поцеловал, магия владык Темного Трона не оставила бы сомнений.

— Совсем не заслуживаю, — возразила я. — Пока еще. Вы же... защитник всех униженных и оскорбленных... — я вовремя прикусила язык, удержав язвительное «вами же», — подданных вашего отца. Вы же не обидите девушку!

— Почему девушки считают, что им все можно и все сойдет с рук? — прошипел демон. — И хорошо, что ты запомнила, что я принц, Лика. Я могу просто приказать, и любая подданная моего отца обязана выполнить любой мой приказ. Неподчинение приравнивается к измене.

Вот только я не подданная его отца, а сельо, но никому нельзя об этом сказать.

— И вам нравится, ваше высочество, когда девушки отдаются вам в слезах?

— До сих пор девичьи слезы проливались только от счастья, — самодовольно шепнул негодяй и слегка прикусил мне мочку уха.

Он подхватил меня, перенес на ложе. Ну, ничего, будет ему сюрприз, — злорадно подумала я, чувствуя, как его пальцы, раздвинув полы так и не снятой рубашки, едва касаясь кожи, обрисовали пупок, слегка кольнув острыми ногтями, и, расстегнув ремень на поясе, двинулись ниже. И замерли.

А вот и сюрприз!

— Что это? — с трудом переведя дыхание, этот гад отстранился, и я разглядела наконец его лицо. Надписи на щеке уже не было! То ли заживил, то ли это действительно «тень», а не сам принц. Как проверить?

— Что это?! — повторил он и одним рывком сдернул с меня штаны. Брезгливо перекосясь, разглядывая меня ниже пояса и выше колен: — Ты больна?

Я безмятежно улыбнулась, наслаждаясь его обескураженным видом:

— Ага! Смертельно и очень заразно.

— Какой ужас, — незадачливый соблазнитель перевернул меня на живот, изучая со всех сторон. — И сзади тоже кошмар! Бедняжка.

— Мне жить не мешает, — процедила я, уловив насмешку в его голосе.

— Как же тебя угораздило так... заразиться? — он снова перевернул меня на спину, поправил на мне сбившуюся рубашку, прикрыв обнажившуюся грудь. Какая вдруг деликатность, однако. Учитывая, что ниже пояса я почти голая, а сверху — даже куртка не снята. — И где? Уж не в храмах ли лунных дев на тебя нацепили этот чудовищный пояс целомудрия, Ли́ка?

Ну уж, чудовищный, обиделась я. Очень даже нежненький: розовый, с желтыми разводами и бледно-зелеными пупырышками. Из кожи пустынной змеи варрдх — эластичной и в то же время снабженной крохотными ядовитыми чешуйками, вызывающими ожоги. Вон, у принца уже пальцы чешутся, судя по тому, как он нервно сжимает кулаки. То ли еще будет! Яд варрдх не сразу показывает себя во всей красе. Через сутки расползется по наглым ручкам, посягнувшим на святое. Его не вывести даже магией. Противоядие есть, но баснословно дорогое, и попробуй еще достать.

Мы с маман тщательно выбирали этот пояс. И легенду для меня составили — не подкопаешься. Ясно же было, что в столице пояс на мне кто-нибудь да увидит — те же соседки по комнате, подозрения возникнут.

Так как я молчала, демон приподнял меня и, содрав куртку вместе с рубашкой, повернул меня на живот, убрал распущенные локоны и обследовал мою спину. Даже пальцами провел под лопатками, дабы убедиться, что глаза его не обманывают и крыловых щелей селю у меня действительно нет. Об этом мы с мамулей тоже позаботились, наложив очень непростую иллюзию, чтобы даже на ощупь никто ничего не нашел. Но щекотно же!

Стерпела.

Развернув меня в очередной раз, обескураженный гад приказал:

— Снимай пояс.

— Не могу, — я деловито прикрылась волосами, раз больше нечем.

— Не притворяйся! — в сердитых глазах (мне кажется или они не настолько синие?) сверкнули демонические молнии. — Ты — не лунная дева. Думала замаскироваться под лунную, деревенщина? Ты совсем дура, если не понимаешь, чем тебе это грозит в нашей стране? Смертью на месте, без суда и следствия! И пояс твой — фальшивый. Я видел и настоящих лунных дев, и настоящие пояса целомудрия. Селю не нацепила бы такое уродство — врожденный вкус к прекрасному не позволит.

Ой, как лестно: врожденный вкус к прекрасному!

— Я полукровка, ваше высочество. Мама была лунной девой. Богиня отпустила ее, когда она похитила демона клана Вечерних теней и вышла за него замуж. (Прости, мама, но этот бред ты сама придумала.) А меня, едва я родилась, отец отправил на родину в свой клан. Он

хотел, чтобы я выросла настоящей демоницей (ха-ха! А вдруг он — светлый? Я же ничего о нем не знаю!). Но мама умолила богиню защитить ее дочь по старой памяти. Вот и ношу... это... Подруги надо мной смеются! — я всхлипнула для пущей убедительности, кося глазом — поверил или нет. Лунных дев в поясах целомудрия он видел, как же. Еще и хвастун! Если бы видел, мы бы знали: богиня бы предупредила. Вот его отец — тот видел, да.

— Полукровка... Уже лучше, — Дьяр почесал правую ладонь. — А драконыш откуда?

— Мамин.

Был. Теперь — мой, но говорить это я, разумеется, не стала.

— А ректор знает, что ты полукровка?

— Нет еще, — потупилась я. — По документам я сирота, принятая в клан. Я хотела позже сказать, если бы вступительные экзамены сдала. Боялась, что меня и на порог не пустят.

— Зря пустили — Академия была бы целее. Еще и документы поддельные! — он поскреб левую ладонь. — Что ж, раз так, будем снимать твой пояс.

— Э-э... а зачем?

— Затем, Лика, — сказал он, убирая локоны с моей груди, — что ты будешь моей любовницей.

— Разве у вас их мало?

— Хватает. Я не люблю спать один. Но это дело принципа. Если я чего-то хочу, я это всегда получаю.

Гад самодовольный!

— Попробуйте снять, — я скрестила руки на груди, заодно прикрывшись. Чем больше он провозится, тем быстрее подействует яд. — Разве вы не знаете, что пояса целомудрия, данные богиней Лойт, может снять только любовь? Причем взаимная. А в нашем с вами случае это абсолютно исключено.

Принц хмыкнул и пошел на штурм. Но быстро проклял все и вся, особенно великую богиню любви, покровительницу дев Лойт, перепробовал заклинания, едва не удушив нас обоих, когда шелк простыни расплавился и затлел матрац. А когда принц умаялся и сник, на него напала чесотка, и он обнаружил, что весь стал, как мой пояс, — розово-желтенький в зеленую крапинку.

— Это еще что за дрянь? — простонало высочество.

— А я предупреждала, что пояс заразен. Это месть Лойт насильникам. Богиня тоже надевает на них... пояс целомудрия. Принудительный. Увы, завтра вам будет совсем не до любви: вы покроетесь незаживающими язвами, если не принять противоядие.

— Значит, пояс отравлен? Почему же на твоей коже ничего нет?

— Как змею не отравить ее собственным ядом, так и пояс безопасен для той, кого защищает.

— И какое же противоядие?

— Верните меня в Академию, — я тут же вспомнила, что из-за этой заразы осталась без обуви, а как возвращаться босоногой? Засмеют! Все годы учебы будут ржать эти демоны. — И еще верните мне мои туфельки, и вы его немедленно получите, ваше высочество. Принимать противоядие придется в течение пяти лет как минимум, пока гнев богини не пройдет и она не снимет с вас это проклятие.

Дьяр поманил плававший у стены световой шар, рассмотрел свои руки внимательнее.

— Что-то это мне напоминает. Где-то я уже такое видел.

Поднявшись с постели, он прошел к столу, разворошил стопку книг и, выбрав толстенный фолиант, начал перелистывать, то и дело почесываясь.

— Нашел, — поднял он взгляд потемневших глаз. — Это яд змеи варрдх, а не гнев богини.

— Да, — не стала я отрицать. — И что это меняет?

Дьяр захлопнул том.

— А то, милая Лика, что тебя можно обвинить в покушении на мою жизнь.

— Нельзя. Можно было бы, если бы я прокралась сюда тайком, если бы это я пыталась вас соблазнить, а не вы меня, и если бы я не предупредила вас об опасности.

— Противоядие я добуду, но на это уйдет время... — Дьяр не обратил на мою реплику ни малейшего внимания. — Хорошо, я верну тебя в Академию. Ты мне дашь противоядие. И, если пройдешь последнее испытание, будешь учиться. Но не надейся, что тебе сойдет все это с рук. И не рассказывай мне сказки о взаимной любви. Я найду способ снять твой пояс. До тех пор ты всегда будешь под присмотром. А после того, как я возьму тебя, можешь катиться в Хургову бездну, а можешь и задержаться в моей постели. Тебе понравится. Я всегда щедр к своим девушкам.

— Я никогда не стану вашей девушкой.

— На что спорим?

Глава 2

О демоническом коварстве и девичьей беззащитности

Невыспавшийся и злой наследный принц Дьяр — это не просто сущий, а вездесущий кошмар Темного двора. На глаза ему не попадайся, ходи тенью по стеночке, а лучше совсем исчезни — глядишь, и уцелеешь. Но в это утро, всему двору на диво, Дьяр и носа не высунул из своих покоев, хотя уже по всем щелям разнеслось, что драгоценный принц изволил встать, но сильно не в духе.

К несчастью, именно на это утро были назначены смотрины невест. Лучшие, прекраснейшие, умнейшие девушки Темного царства Тархареш и всех соседних полутемных государств, за исключением Серых Холмов, ждали уже два часа в приемном зале, не смея даже к стеночке прислониться.

Принц же сидел у себя в покоях — босой, нечесаный, в восточном халате, накинутом на голое тело и небрежно завязанном витым шнуром с кистями, — и строгал кинжалом пятую за утро жертву — подлокотник собственного кресла, обтесывая под корешок рога у резных клыкастых демонов. Четыре безнадежно испорченных кресла уже изображали в углу братский курган.

Охрана попрыталась, втянув рогатые головы в плечи и слившись со стенкой, но бдела, поглядывая из углов и щелей.

— И где он? — вопрошало высочество. Хрясь по дереву, рог отпал. — Почему до сих пор нет?! — вжик по другому рогу, и деревянный демон стал лысым и пригожим. — Убью гада!

Хрясь! Хрум!

Наконец дверь скрипнула, приоткрылась, и в щель скользнул «серая тень». Очень бледная. С дрожащими руками и измученной невзрачной физиономией.

— Ты опоздал! На два часа! — набросился на него принц Дьяр. — И что с тобой, Дамир? Заболел?

Вошедший, застонав, рухнул на колени.

— Прости, мой принц! Я не справился.

— Она что, сбежала? Я же притащил ее в этот дурацкий склеп, откуда не сбежать! Доверил тебе наказать дуру, иначе бы я ее попросту убил и расчленил зверски. А ты так подвел!

— На ней пояс целомудрия. Отравленный. До сих пор чешусь.

— Хургова м-мат-т-ть! — хрясь по сучку, кинжал сломался. Обломки полетели в братскую могилу. — Так она из лунных тварей? Точно убью! Из милосердия. Иначе отец, если узнает, ее на волокна разберет.

— Говорит, полукровка. Крыльев нет, даже щелей крыловых нет.

— Надеюсь, ты ее придушил?

— Увы... Вернул в Академию в обмен на противоядие. Вот тут в книге описание, я закладкой заложил, мне бы с пуд.

Дьяр раскрыл фолиант, глянул и округлил синие глаза.

— С пуд? Да ты страну разоришь! И что значит — вернул?! А как же наша студенческая клятва не допустить баб в святые стены? Билеты мы им подменили, а толку? Вы этих дуриш даже соблазнить не смогли! У твоего брата Камира тоже облом, — вздохнул принц, откинув упавшую на лицо прядь черных волос.

Дамир отвел глаза: на щеке его господина по-прежнему красовалась надпись: «Гад». Коготки у Лики оказались тоже отравленными.

— Ну, печать-то я вашу на нее поставил, как велено, — доложил «серая тень».

Дьяр, смягчившись, потребовал подробностей, но к концу рассказа, когда серый демон доложил о заключенном с Ликой пари, в угол полетело пятое исковерканное кресло, разломанное голыми руками. Охрана тут же подвинула шестое, лишь бы их самих не покровсали.

— Дамир-р-р! — рыкнул вконец взбешенный наследник. — Ты соображаешь, что творишь? Какая любовница?! На кой демон мне еще одна шлюха?! Меня от них уже тошнит! Я же ей просто от злости про постель ляпнул. Тоже мне, боевой темный маг выискалась с ангельской рожей и косищей до попы!

— Ну, ты же сам приказал нам поддерживать имидж темного наследника. Вот и стараемся, отдуваемся за принца Тьмы. Мог бы и сам...

— Сам? Вот еще! Не дождутся!

— Но ведь ты ее поцеловал! Хоть до кого-то снизошел наконец, — хитро прищурился «серый». — Вот сам и продолжи, а с меня хватит.

И он с остервенением почесался.

— Велика честь! — брезгливо поморщился принц. Но воспоминание о нежных губах и перепуганных глазах девчонки накрыло его и отозвалось в сердце странным томлением. И не только в сердце. Дьяр спохватился под ироничным прищуром вассала и с огромным трудом переплавил наметившуюся мечтательную улыбку в злорадную усмешку. — Пари заключили, говоришь? Любовь взаимная пояс снимет, говоришь... Как р-р-романтиш-ш-но! Спрошу у отца, что за гадость эти пояса. За что-то же он этих лунных девок до одури ненавидит... Что ж, пари так пари. Повеселимся... А сейчас что мне делать, Дамир? Отец так и не приехал. А никакая магия этот дрянной след не берет, — он дотронулся до щеки. — И ты видел, что делается в тронном зале? Там же туча сорок слетелась со всей страны и ближнего зарубежья!

— А иллюзию использовать, ваше высочество? Разучились?

— Нет. Но мне что, до вечера целовать эти намазанные кремами ручки? Отравлюсь насмерть. А терпеть их трепотню! Как будто мне делать больше нечего! Я на тебя рассчитывал. Камир слабо личину держит.

Дамир на слове «отравлюсь» вздрогнул, покрылся мурашками и в ужасе уставился на руки:

— Опять появилось! Мой принц, позволь отлучиться.

Синеглазый мрачно кивнул. «Серая тень» выскочил, а в дверь тут же сунулся посыльный.

— Ваше высочество! Там еще четыре дамы в обморок упали.

— 3-3-замеч-чательно! Прореживание рядов невест идет полным ходом. Отлич-ч-чно! — осклабился принц. — Останутся самые жадные до статуса и денег. Вот и выясним, кто из них готов на все, лишь бы нацепить корону.

Дверь снова открылась, и просочились уже две одинаковые «серые тени».

— Так быстро, Дамир? — поднял бровь принц.

— Прости, померещилось. Мы с братом готовы к бою. Будем подменять друг друга, вдвоем справимся.

Через миг в покоях наследника находилось уже три одинаковых, если не считать различий в одежде, принца Дьяра, но только у одного на щеке красовалась метка: «Гад».

— Позавтракать, что ли, да за работу?! — повеселел наследник, когда «серые тени» в личинах принца удалились на задание, и придвинул к себе поднос с тарелками и кувшином и толстый фолиант с заклинаниями, в котором безуспешно искал всю ночь, как свести позорное клеймо, если магия Тьмы не помогает.

Долистав, принц принялся за книгу, что принес Дамир.

Через час, когда один из «серых» братьев заскочил передохнуть от поцелуев дамских ручек и изысканных светских бесед, Дяр решительно захлопнул книгу, потянулся и сказал:

— Она совершила крупную ошибку. Эта пигалица будет раздавлена, как ее жужельки. Она будет опозорена на всю ее недолгую оставшуюся жизнь. Я придумал потрясающий план, Дамир.

* * *

Меня вернули в тот самый зал, откуда и умыкнули. Вручили туфли и вытолкнули из затененного угла под косые лучи света, падавшие от оконного витража. Я и поблагодарить не успела, как средство доставки испарилось.

Вовремя доставил! Я как раз успела увидеть, как тот самый тощий магистр в черно-зеленой мантии сорвал с доски какое-то объявление и оно мгновенно истлело в пыль в его руках и развеялось. Лишь одно слово, написанное крупными буквами, успела разглядеть: «Собеседование».

И мгновенно заподозрила очередные демонические козни. Какое еще собеседование, если у нас с Мирандой по расписанию должно быть третье испытание? А потом скажут, что мы не явились, и вычеркнут из списков!

Это лишь на словах в Тархареше у всех равные права на образование и нет никакой дискриминации. А на самом деле темные маги на экзаменах всегда срезают девушек с особой жестокостью, беззастенчиво. Или придумывают какие-нибудь каверзы.

Демоницам остается довольствоваться женскими школами, гимназиями и не мечтать об академических звездах. Редко кто из них достигал высот магии при таком отношении. Об этом меня тоже мамуля предупредила. Она в свое время поступила только потому, что замаскировалась под мужскую высшую особь. Скандал потом был изрядный, но до выпускных ее допустили.

Разрушать традиции — это у нас с ней в крови.

Почувяв подставу, я ринулась в бой.

— Уважаемый мэтр! — заковыляла я за ним на высоченных каблуках. Сухонький демон вздрогнул и ускорил шаг вместо того, чтобы остановиться. — Да постойте же!

Магистр, внезапно обратившись в ворона, раздраженно каркнул и упорхнул в ближайшее окно. А я-то думала, что зеленый цвет мантии означает факультет ядов! Как все запутано у этих темных!

Вернулась к доске объявлений, осмотрела место, где висела уничтоженная бумага.

Ничто не исчезает бесследно. С пылью возиться я, конечно, не буду, не царское это дело, а вот... интересно, а существуют призраки невинно убиенных вещей? Должен же остаться энергетический след? Должен.

Может быть, кто-то и применял некромантические заклинания к уничтоженным предметам. Не одна же я так гениальна. В конце концов, разве не потрачены на изготовление

вещей чьи-то жизненные силы? Кто-то думал над текстом объявления, кто-то его писал, я уже не говорю о тех, кто успел прочесть и теперь знает время и место треклятого собеседования! Увы, телепатией я не только не владела, но убеждена, что это миф.

Даже дракон смерти тут не поможет — у бумаги нет души, а умершие в чьей-то голове мысли он тоже не оживит.

Сомневаясь, то ли вообще делаю, я водила пальчиками по опустевшему месту на доске и строила заклинание проявления энергетических нитей. И даже нащупала еле брезживший силой контур в той точке, где еще пять минут назад размещалась ректорская печать.

Неизвестно, к каким открытиям привел бы меня отчаянный опыт, но в пустом, а потому гулком коридоре слышались семенящие шаги, а через мгновение появился и их источник.

— Господин Камир! — заговорщическим шепотом воскликнул маленький ректор. — Ну, что же вы! Мы все только вас и ждем! Вы должны обязательно явиться на собеседование по древним языкам, чтобы клан Вечерних теней ничего и заподозрить не мог и не обвинил нас в пропаже Лики Тария! Идемте, я провожу вас, господин «тень».

На миг оторопев, я вспомнила, что меня тут собирались устранить и подменить «серой тенью» — демоном, способным отражать чужой облик более или менее достоверно. Получается, ректор не осведомлен о моем возвращении? Отлично.

— Без Миранды будет неправдоподобно, — чуть более низким голосом ответила я. — Она должна засвидетельствовать, что видела смерть и исчезновение Лики Тария своими глазами.

— Да-да, конечно, — кивнул мэтр Вултон, направляясь к выходу. — Пригласим и ее.

Не могла я бросить подругу в логове рогатых шовинистов! Нас поступало пятеро девчонок из клана Вечерних теней. К последнему испытанию остались двое: я и Миранда. Как без нее?

При чем здесь Вечерние тени, если я сама, как было заявлено, — презренная сельо, лунная дева?

Все просто. Мой дед по маминой линии когда-то был главой Вечерних, одного из тринадцати кланов страны Тархареш, имеющих имя. Только вот помер он при странных обстоятельствах еще до моего рождения, и Вечерним князем стал дедушкин брат. Вот и замаскировали меня именно под его кланницу. Связи, они и у демонов связи.

Мамуля моя — личность слишком известная, а в Тархареше она — персона нон-грата. Раскрывать мое имя и происхождение никак нельзя. Потому она, воспользовавшись кровными связями, отправила меня под чужим именем с детьми из других кланов. Никто, кроме маминого кровного родственника, не подозревал, что среди них затесалась лунная дева. Тьор Вечерний сильно рисковал и обручем князя, и крыльями высшего демона, и вообще жизнью. Но внучатая племянница так хочет стать темным магом, так хочет! А гнев владыки, если тот узнает, Эльда возьмет на себя. Не привыкать ей.

Маленький ректор катился передо мной, как колобок, указывая дорогу. Я старалась почаще спотыкаться на каблуках, изображая Камира, изображающего меня. Такая вот забавная ситуация. Интересно, где бродит сам «серый демон» с моим лицом? Или принц его отозвал?

У дверей аудитории, где проводилось собеседование, толпились будущие темные маги, многие стояли с кислыми лицами. Еще бы, древние мертвые языки никто не любил изучать в школе — зубы сломаешь. Но без их знания магом не стать. Основные заклинания почти все составлены на древнем наречии. И попробуй какой-нибудь некромант поговорить без

переводчика с многовековой давности призраком или нежитью вымерших рас.

В момент, когда ректор подвел меня к двери, та распахнулась, и я столкнулась нос к носу... сама с собой! Вот так и чувствовало сердце!

Камир, а это, несомненно, был он, сообразил мгновенно. От собравшихся в коридоре абитуриентов его заслоняла распахнутая створка. К экзаменаторам он стоял спиной, а меня они еще видеть не могли. Нас на миг окутала плотная дымка, в которой этот похититель чужих лиц вскрикнул моим голосом:

— Я провалилась!

И действительно провалился — исчез.

Ректор тоже соображал мгновенно, не зря такую высокую должность занимал, — вцепился в мой локоть и потащил прочь, приговаривая:

— Ну, ничего, не расстраивайтесь, Лика. На следующий год...

Вот уж нет! Такого позора мне никто не простит: ни богиня, ни мама, ни я сама. Вырвав локоть из цепких пальцев Вултона, я бросилась обратно к двери.

Тут главное что? Неожиданность. Камир наверняка изображал из себя полного болвана... болванку. Потому я затараторила на языке династии Холь, изредка срываясь в Орш, на котором особенно хорошо звучат жалобные стенания:

— Пожалуйста, прошу вас, дайте мне еще один шанс! Я не знаю, что на меня нашло, какое затмение. Это, наверное, от волнения! И отсутствия разговорной практики (еще бы, язык мертвый, а с мертвецами особо не побеседуешь). И вообще, это была ментальная блокировка! Вот и господин ректор подтвердит, что на меня кто-то направил заклинание забвения. Я даже не помню ваши вопросы, уважаемые мэтры. Повторите, пожалуйста!

Ректор вынужден был подтвердить, не драться же ему со мной.

— Хорошо, повторяю вопрос, — сверкнул клыками скуластый и очень смуглый высший демон, сидевший в центре троицы магистров в разноцветных мантиях. И перешел на язык династии Холь: — Знаете ли вы, Лика Тария, заклинание «черный смерч»? Разложите нам его на составляющие с объяснением значения терминов. Объяснять нужно на языке той эпохи, разумеется.

Об атакующем заклинании «черный смерч» я слышала. Мама даже показывала, когда объясняла, с чем я могу столкнуться в Тархареше.

Вообще-то, боевые заклинания должны изучаться с третьего курса, не раньше. Примерную программу дрессировки боевого темного мага я знала на все годы вперед. У меня мама, слава лунной богине Лойт, не дура. У Эльды Интаресс и магистерская звезда Тьмы третьей ступени имеется, одна из четырех в мире, к дверям кабинета приколочена в качестве мишени для метания ножей.

Но откуда мне знать это заклинание наизусть? Да еще и с объяснением терминов?

Магистры уже усмехались, переглядываясь, когда я обратила внимание на обшарпанный гримуар в потрескавшейся коже. Книгу специально отодвинули на самый край. Но зачем-то она тут лежит?

— А можно воспользоваться справочником?

— Если разберете руны эпохи Шарх, извольте, — один из магистров с проколотой губой, в которую был вставлен какой-то амулет (наверняка магический словарь), подвинул мне гримуар.

Я раскрыла. Богиня, какая древность! Полустертых клиновидных штрихов почти и не видно.

Вот и пригодится моя «домашняя» заготовка. Ведь знала же, что по языкам гонять будут, а где-то в дороге потерялся мой простенький амулет-лингвошпаргалка. Но я же изобретательна, как воображение маньяка по ночам! Мама в меня прочно вбила простую истину: выход есть всегда, и если к дверце не подходит отмычка, значит, выбей ногой.

Поначалу, обнаружив пропажу шпаргалки, я хотела вызвать дух толмача, запереть в серье, а серьгу, само собой, вдеть в ухо, как все студиозусы делают. И поди докажи, что это украшение — шпаргалка. Некоторые умельцы по несколько колечек носят, как у них уши не отваливаются! Но проблема в том, что дух любого разумного существа, жившего в древние эпохи, не подходит: он не сможет понимать мой современный язык и, следовательно, переводить. А если я смогу общаться с ним на его языке, то зачем он мне нужен?

Так вот, решила я, если всему живому присуща бессмертная суть, а все умершее можно призвать к жизни или хотя бы к псевдожизни, то почему бы не вызвать дух языка? Тогда мне не понадобится три духа трех древних эпох, обойдусь одним, но глобальным, знающим все языки от сотворения мира до момента поступления Аэлики Интаресс в Академию Тьмы.

Да, знаю, это так же абсурдно, как вызвать, к примеру, дух синего цвета.

Но ведь получилось!

Никто не засек необычного духа. Да и как? Он пробудился не в яви плотного мира, не в видимом магическим зрением эфире. И проявлялся он дискретно: даже не энергетическим, а смысловым всплеском во время звучания слов. Понимание смысла услышанного приходило ко мне само собой, а тот смысл, который я хотела передать, сам собой облекался звуками на кончике моего языка.

— Мы удовлетворены вашими познаниями, Лика Тария, — недовольно пробурчал экзаменовавший меня магистр. — Не знал, что в школах клана Вечерних теней столь глубоко проникли в расшифровку древних письмен.

— Не в школах, — скромно потупилась я. — Из-за болезни у меня было домашнее обучение.

— Любопытно. И как звали вашего учителя?

— Эль... — едва не проговорила я, отвлекшись на мысленное прощание с духом языка. — Эллина Вивер. Несколько лет назад она пропала на землях Тринадцатого клана.

Я не боялась разоблачения. Такая демоница действительно существовала, была учительницей Миранды, и пропала.

— Так она из истинно Неупокоенных или из отступниц? — брезгливо скривился магистр.

— Это ее выбор, — вздохнула я, признавая второе. — Она хотела, чтобы у нее была вечность для изучения древних эпох.

Тринадцатый клан Неупокоенных, Нетленных, или попросту вампиров, полудобровольно присоединился к Темному Трону, последним из всех темных кланов, и до сих пор постоянно соперничал с остальным населением Тархареша.

По договору вампиры не имели права охоты на кровь демонов и получали ее либо от добровольцев (их обычно обращали), либо от осужденных на казнь (их просто выпивали). Но иногда пропадали демонята. Кровососы, если не были выслежены по горячим следам и растерзаны, наказывались внутри своего клана, но никогда не выдавались для суда. Еще бы. Все равно растерзают. Демоны знают только заповедь «кровь за кровь», даже если она не демонически горячая, как лава, а по-вампирски остывшая и тухлая.

Пока Неупокоенные не посягали на сам трон, владыка Тьмы и Теней не трогал их

лишний раз. Ибо тронь, и получишь войну хищников внутри страны.

Тех, кто добровольно уходил к Нетленным, демоны презирали со всей силой подземного огня. Моя наставница придумала этот ход с учительницей-вампиришей для максимальной достоверности. Признаться, что твоим наставником был отступник, — это позорно. Пусть лучше презирают, чем проверяют.

Глава 3

Лица и последнее испытание Академии на прочность

Я деловито заплела косу, обвила вокруг головы и закрепила заклинанием. Отличный шлем, снимается только вместе с головой.

— Миранда, хватит киснуть, мы еще живы! Мы ему устроим, мало не покажется! На войне как на войне.

Мы уже выяснили две важные вещи.

Первое: принц способен делиться. Почкованием. На две самостоятельные особи. Потому что, пока меня соблазнял один экземпляр, Миранду атаковал второй.

Подруга у меня любит поплакать, но в самый критический момент забывает об этом. Едва она увидела нашего обидчика, то решила, что со мной принц уже расправился и явился прикончить ее. Не раздумывая, она врезала ему заклинанием между ног и бросилась назад — хоронить мой труп.

А наткнулась в коридоре на вторую важную вещь: в Академию вернулся ее лучший друг Тай.

С ним тоже случилась странная история.

Как оказалось, кто-то перепутал листки с оценками, Таю по ошибке приписали чужой «неуд» и выпнули. Когда разобрались, успели перехватить способного мальчика уже у городских ворот.

Мы с Мирандой сразу поняли, чьих рук дело эта пакость: наверняка принц заранее решил лишить нас последнего защитника. Остальных в нашей пестрой группе абитуриентов из разных концов страны и подчас враждующих кланов мы совсем не знали, если не считать Ночных шорохов — ближайших соседей клана Вечерних теней. Но это как раз был враждующий с Вечерними клан с характерным прозвищем «Ночной шмон», или просто «шмонари».

Миранда наткнулась на любимого друга, когда тот отбивался от «шмонарей», разъяренных возвращением врага, провалу которого на испытании уже успели порадоваться.

Я уже говорила, что Миранду лучше не злить до такой степени, что она перестает плакать? Вдвоем с Таем они отбивались от пятерки недругов, пока не явился ректор.

Потом, разумеется, начались ахи-охи-кудахтанье над боевыми ранениями Тая (пара синяков, было бы из-за чего!), затем слезы-утешения-лобзания в его комнате. Победитель возжаждал большего, но Миранда — девушка строгих правил, до свадьбы ни-ни, после свадьбы — каков доход, таков и расход, и никаких авансов. В результате — заклинание промеж ног, спасение бегством и рыдания «жизнь без милого не мила».

Этому Таю тоже надо будет устроить промывку оставшихся мозгов. Как он мог! Нет, все-таки все мужики...

А у нас, между прочим, через час третье испытание!

— Мира, ты же не хочешь, чтобы мы провалились, после всего-то? — строго посмотрела я на покрасневшее от слез личико подруги. — На радость врагам? Значит, мы отправимся домой, униженные и оскорбленные, твой Тай останется тут без твоего присмотра, а наш враг, наглый принц Дьяр, — без моего отмщения?

Подруга всхлипнула последний раз и принялась за макияж. Всего-то парочка заклинаний, а насколько больше красоты стало в мире!

Миранда забрала закатного цвета волосы в высокий хвост, натянула узкие штаны и обтягивающую маечку, оставлявшую обнаженным подтянутый животик и почти всю высокую грудь. Трепещите, магистры!

— А ты? — покосилась подруга. — Не жарко будет?

Я скрипнула зубами при взгляде в зеркало на свою фигуру, затянутую в облегающий, как вторая кожа, черный комбинезон. На груди я его расстегнула: жарко. Но вот топик надеть не могла. Теперь и не позагорать, и не покупаться. А лето на дворе! А у меня — жуткая татуировка вокруг пупка! Несводимая никакой магией! С надписью: «Мое! Дьяр».

Мерзкий, отвратительный принц!

Ни тональный крем, ни иллюзия не помогли: надпись проступала как ни в чем не бывало. Похоже, избавиться от «украшения» можно только пересадкой кожи или маминым колдовством. Но до мамы еще добраться надо. И еще неизвестно, что хуже: надпись или мамочкин гнев. А уж к богине Лойт взывать о помощи — страшно даже подумать. Она-то может избавить от позорящей лунную деву надписи: сотрет ее вместе с носителем — моим несчастным телом.

— Если кому и будет жарко, то не мне, — процедила я, натягивая высокие, до бедра, сапожки с кружевными вставками и кармашками внутри и снаружи для метательных дротиков, набитыми сейчас шпиргалками вместо оружия. Ну, разве что парочку ножей спрятала за голенищем. — Заклинание «прохладная мята», и никакого пота! И закольцевать, чтобы излишек тепла уходил на поддержание того же заклинания.

— Ловко! — восхитилась подруга. — И откуда ты знаешь такие штучки, Лика? Ты же готовый магистр! Зачем тебе какая-то Академия? Все эти унижения, зубрежка, зачеты? Если только из-за диплома, так сдай экстерном!

Мы вышли в длинный пустой коридор, и искренности у меня резко поубавилось, а настороженности прибавилось от мгновенного ощущения внимательного взгляда в спину. Я оглянулась. Никого.

— Никакая теория не заменит практику, — назидательно провозгласила я, воздев перст к потолку, заодно осматривая своды на предмет опасностей.

— Практика — дело наживное. Можно нажать ее и после получения диплома.

Не объяснять же ей, что я минувшей весной уже закончила школу магии. Только не совсем темной и очень далеко от Тархареша. И сейчас у меня, можно сказать, выпускной экзамен. Последнее испытание.

Я ответила:

— Если бы мы поступали учиться не на боевых магов, то я так бы и сделала, как ты советуешь. Но здесь другое важно. Мастера боя могут передать ученику не только мастерство, но и удачливость, чутье и боевой дух. Ведь они остались в живых после многих схваток, не так ли?

— И кто тут у нас такая умная? — вклинился хриплый, совсем не Мирандин голос, и прозвучал он из точки сзади и сверху. — Тебя-то мне и надо!

Мы с подругой разом отпрыгнули в стороны, выпустив, за неимением оружия, когти на кинжальную длину.

— Ой, боюс-с-сь, — хохотнул дивный экземпляр фауны темной страны — помесь юного инкуба, дракона и летучей мыши с бабочкой под названием «мертвая голова». От летучей мыши у него была форма крыльев, от дракона — вертикальный зрачок и гребень на голове, от бабочки — классический рисунок черепа на заправленной в брюки черной майке, а от

юного инкуба — все остальное, включая золотистые локоны, чувственные губы, большие раскосые глаза с гипнотическим небесным блеском и мерзкий характер.

Экземпляр висел вниз головой, уцепившись согнутыми в коленях ногами за протянутую на метр ниже потолка балку, балансируя широко распахнутыми крыльями, и приветливо улыбался. Впечатляющий набор характерных игольчатых клыков.

Как, скажите, как я могла не заметить вампира?! Позорище моей враз поседевшей голове! Что? Поседевшей? Я поднесла к глазам кончик косы. Уфф. Показалось. Заодно развязала пеструю ленточку-парализатор на случай атаки.

Губы Миранды брезгливо согнулись:

— Подслушиваешь и подглядываешь, говорящий труп?

— Не рассчитывай на ответный комплимент, невежливая девушка, — вампир перестал улыбаться, прыгнул с насеста, мягко опустившись на пол. Повеяло холодом трупохранилища. Ангельские локоны, словно расчесанные невидимой расческой, элегантно рассыпались по крепким плечам. Он оказался высоченного роста, выше меня аж на полторы головы. Миранда слегка попятилась... для лучшего обзора, конечно. — Ты мне пока неинтересна. А вот твоя подружка уже успела перейти мне дорогу.

— Гнусный поклеп! — возмутилась я. — У меня нет крыльев, мы перемещаемся в разных плоскостях, и дорогу я тебе никак не могла перейти.

— Видишь ли, заклинательница гадов...

— Как ты меня назвал?!

— Не я. Ты сама назвалась нам, когда расписала лицо наследника кровью и начертала его истинное имя, — голос ухмыляющегося вампира снизился до шепота и перестал хрипеть, а глаза хищно засветились. Не любит Тринадцатый клан правящую в Тархареше династию. Ох как не любит. — Так вот. До сих пор только у Неупокоенных имелась привилегия пить кровь темных магистров, и мы обеспокоены появлением конкурента.

— Шутить изволите, — и этак понимающе приподнять бровь. Про кровь — это он издевается, чтобы Миранду попугать.

— Никаких шуток с той, кто повелевает драконом смерти.

Ага. Неужели это истинная причина интереса блондинчика? Много знали лунные девы о своих врагах. Убить давно умершего, но не ушедшего за Грань — тяжелая работа. Но не для дракона смерти, единственного существа на свете, которого панически боялись даже самые древние и сильные из двуногих кровососов. Разве что владыку Тьмы они боялись не меньше, судя по историческим хроникам.

Впрочем, дракон смерти хоть и абсолютное оружие против вампиров, но давно для них не новость, чтобы меня тут подкарауливать.

— Кроме того, — продолжил верзила, так и не дождавшись от меня уверений в лояльности моего дракона, — мы оценили явление никогда не жившего духа. И предлагаем тебе сделку.

Быстро же они сообразили сесть на хвост такой халяве. Интересно, как вампиры просекли то, что не заметили магистры? Или те заметили — не дураки же тут работают! — но не стали поднимать шум и отнимать настолько необычную шпаргалку?

— Польщена. Да не рановато вы забеспокоились? — улыбайся, Лика, улыбайся. — Тут кое-кто еще не поступил. Плохая примета — говорить «гоп» неубитому медведю.

— Это уже неважно. Сделка состоится в любом случае, если ты пожелаешь. И цена будет весьма высокой.

Я промолчала, скептически скривив губы. Кто ж не знает, что вампиры сделки выгодны только им. Тут они и подгорных жителей переплюнули.

— Ты даже не представляешь насколько, — попытался он померить мой скепсис. — Весь Тринадцатый клан может дать тебе клятву Долга.

— Ого! — ошеломленно присвистнула Миранда.

На этот раз я гордо промолчала. Просто онемела от шока.

Клятва Долга целого клана означала, что они все до единого будут мне должны. И от каждого я могу потребовать что угодно, но один раз.

Так. Какое сейчас у вампиров поголовье? Пятьсот? Тысяча? По-моему, даже когда кровопийц было в мире едва ли сотня, они не давали таких клятв. Никому. За всю историю.

Не верю. Обманут. Найдут способ обойти Долг. К богине не ходи. Убьют, и долг выплачивать некому будет.

Неупокоенный красавчик занервничал под моим взглядом, словно мысли читал:

— А перед тем, само собой, дадим клятву непричинения вреда ни твоему телу, ни душе, — и глазками преданно глянул, честными-честными, немигающими. — Что скажешь?

Ничего. Не буду-ка я торопиться совать мою прекрасную голову в золотую петлю.

Зачем им вообще модифицированное мной заклинание вызова? Среди вампиров самый высокий процент знатоков древних наречий. Еще бы, они же Неупокоенные. Кое-кто из них — свидетель ушедших веков, и для них все еще жив мертвый язык Орш. Насчет более ранних эпох не уверена, сведений о вампирах, бытовавших в те времена, еще не попадалось. Может, у них припрятаны редкостные рукописи о великих тайнах изначальных эпох?

Нет, судя по цене, не эфемерные духи мертвых языков их интересуют. Не энциклопедическая, невидимая и неосязаемая шпаргалка. Не стали бы они сами назначать наивысшую цену, даже если не собираются платить ее на самом деле. Характер не тот у этой паразитической расы.

Тогда зачем? Уж не сам ли принцип вызова никогда не жившего духа им нужен? Для того, чтобы подчинить кого-то важного? А кто у нас никогда не жил, но существовал? Уж не первоупырь ли какой-нибудь? Или... сам Хург? Нет, тот как раз существовал, если верить легендам. Надо посоветоваться с богиней.

Неупокоенный ждал. Его нервозность выдавали дергавшиеся кончики крыльев. Миранда давно уже изнывала, переминалась, покашливала, всячески показывая, что мы опаздываем.

— Молчание — знак согласия? Так и передать нашему князю? — вампир, потеряв терпение, пошел на уловку.

— Передай, что я подумаю, — выдавила я наконец.

— А что ты сейчас делала? — ошалело округлились его немигающие глаза.

— Советовалась с упомянутыми духами, хотят ли они такой популярности.

— И?

— Они тоже подумают, — ослепительно улыбнулась я.

— Как долго?

— Месяц. Два. Год. Два. Куда торопиться вечным?

Умница я. Пока буду молчать, они пылинки с меня будут стряхивать.

Черты живого мертвеца искажила сдерживаемая ярость.

— Пока знание принадлежит единственной смертной, ожидание может стать безвозвратной потерей! — вырвалась угроза. Но он тут же примирительно улыбнулся... всеми клыками: — Если тебе понадобится наша помощь или изменится срок размышлений,

найди Даори Энриати. Это мое имя. Удачи на экзамене! — собеседник резко, прямо с места, сорвался и выбросился в раскрытое окно. Чтоб тебе прилечь на брусчатке, пожелала я, даже не надеясь на исполнение моего желания конкретно этим вампиром.

Было досадно, что мой секрет с духами так быстро раскусили. Они ведь шантажировать начнут! И недругов у меня станет еще больше. Хотя вампиры и без того вековые враги лунных дев. У них ночная охота на сельо — национальный вид спорта. Ну, и у нас тоже девушки не прочь развлечься вечным упокоением Неупокоенных. Мы же сельо, у нас тоже клыки и когти имеются в боевой ипостаси.

Миранда подхватила меня под локоть и потащила к лестнице. И только на улице прошипела:

— Ненавижу их! Поклянись, что ты не будешь им помогать. Сделки с трупами чреватые!

— Мира, не трать силы на ненависть. Никакой сделки не будет. Мне тоже не нравится этот их интерес. И непонятно, как они пронюхали о моих трюках. Это плохо. Это уязвимость.

К слову, вампиры, по всей видимости, всерьез восприняли мое заявление о том, что духи будут думать долго, так как больше не обращались ко мне по поводу сделки. Гордые.

* * *

Во избежание разрушений третье и последнее испытание абитуриентов проводилось на открытом воздухе, в отдалении от корпусов Академии: на учебном полигоне, окруженном земляным валом и широким рвом, до краев полным воды, от которой пахло дезинфицирующей жидкостью. Над полигоном вздувалась купольная защита, похожая на мыльный пузырь.

— Сразу надо было такие меры принимать, — весело переглянулись мы с Мирандой.

К нашему удивлению, зрителей набралось немало. Видимо, карантин уже сняли и срочно набирали рабочие и магические руки для ремонта пострадавших корпусов. Рабочих в робах близко не подпустили, и они забрались на строительные леса, облепив их, как муравьи намазанную патокой палочку.

Еще на подступах к земляному валу полигон был оцеплен мракармией. Особенно много рогатых шлемов мракаров (или шлемов с дырками для рогов, так и не разобрала) виднелось в толпе у входа. Сцепившись хвостами и лапами, мракары двойной цепью сдерживали штурмовавших вход адептов в черно-синей (факультет превращений) и фиолетово-черной (факультет боевой магии) формах. Виднелись вкрапления коричневых и темно-зеленых, как у того магистра, костюмов. Видимо, что-то экзотическое. Что-то их многовато.

— Это же на тебя пришли посмотреть, Лика. Какая слава! — Миранда, хихикнув, поправила бретельку, приспустив ее с плеча, и подмигнула вылупившимся на нас демонам.

Не допущенные на полигон зрители толпились на земляном валу. Какие-то несчастные уже плавали во рву, отчаянно ругаясь и сплевывая дезинфицирующую жидкость. Ничего, чище будут.

— Это они! — раздавались голоса справа и слева, пока мракар в форме сержанта, о чем свидетельствовал третий рог на шлеме, проверив наш допуск на испытание, сопровождал нас по живому коридору.

Протиснувшись на полигон, мы ахнули. Судя по обилию фиолетовых мантий, весь

экстренно вызванный из отпусков преподавательский состав боевых магов рассредоточился по трибунам. Присутствовали и высшие маги, все в черном (об их специализации говорила цветная обтачка на воротах и рукавах), с ранговыми звездами.

Удивительно, но на нас с Мирандой, как и на группу остальных абитуриентов, никто не обращал особого внимания. Все глаза, в том числе снабженные магическими окулярами, были направлены на площадку перед экзаменационной комиссией.

На площадке творилось непонятное.

Мы протиснулись поближе, и я едва удержалась на ногах, увидев знакомую широкоплечую фигуру чудовища, которое, опершись кулаками о столешницу, нависало над перепуганным, вжавшимся в кресло ректором и шипело:

— Засунь себе в... академический сад эти циркуляры!

— Но, ваше высочество! Вы же на домашнем обучении!

— А мне надоело! Все один и один! Я с народом хочу быть, с моими будущими подданными!

— Но все сроки подачи документов пропущены... мы не имеем права... есть же положение, правила поступления...

— Я сказал, что тебе сделать с твоими положениями и правилами! Бери бумагу и составляй новые! — принц сгреб стопку чистых листков с края стола, сунул их ректору, грохнул перед ним чернильницей так, что перо подпрыгнуло и оказалось в дрожавшей руке старичка.

— Но их должен утвердить совет магистров... — мужественно сопротивлялся ректор.

— Совет весь уже здесь, я позаботился! — Дьяр широким жестом показал на трибуны.

— Но вступительные экзамены... Сегодня уже третий, последний этап.

— Я сдам все сразу!

Ректор сердито свел седые брови и, отбросив перо, решительно сложил руки на груди:

— Молодой человек! Если вы думаете, что ваш статус позволяет вам рассчитывать на то, что мы поставим вам зачеты автоматом только из страха перед вашим великим отцом и нашим владыкой, то смею заметить, это глубочайшее заблуждение.

— Я сдам честно! Как все! — прорычал принц. — Или вы сомневаетесь в моих честности и знаниях?

Старик сдался, подобрал перо и начал быстро строчить новые правила поступления.

— Его высочеству, значит, можно будет, а нам нельзя? Только потому, что он — принц, а мы — простые демоны? — раздался сердитый зычный голос. — Где справедливость? Это нарушение закона его темного величества о равном праве на образование!

Я повернула голову и остолбенела.

Какая образина! Это даже не орк (в расшифровке: обезьяна+рептилия+козел). Тело у него было вполне — бронзово-смуглое, с рельефными мышцами, одно загляденье. Но морда существа — не дай бог присниться.

Черные глаза потерялись под нависшими на лоб космами. Роскошная волнистая грива отблескивала, как редчайшее черное золото. А вот густая борода почему-то была цвета бронзы. Совершенно неприличная борода, у демонов такой не бывает, у высших вообще не растет, а у низших — козлиная. А этот тип зарос от самых глаз, и поросль спускалась на грудь, завиваясь кольцами.

Пятеро его сородичей в таких же набедренных повязках сгрудились позади предводителя.

— Что это? — дернула я столь же очарованную подругу.

— О-о-о-о! — простонала она.

— Не поняла!

— Какая борода-а-а-а!

— А под бородой кто?

Она пожала плечами, зато исчерпывающий ответ мы получили от ректора Вултона.

— Даже не надейся, Ирек Гил, что я не узнал тебя под этой маскарадной порослью! — на диво громко при таком-то миниатюрном росте рявкнул Вултон. — Вон отсюда вместе со всей группой поддержки! Ты отчислен еще весной!

— Если я отчислен с третьего, почему не могу поступить на первый курс? В правилах запрета нет!

— А мы сейчас впишем! — злорадно ответил карликовый демон, взявшись за перо. Под мрачным взглядом Ирека перышко пискнуло и превратилось в черного галчонка. Птенец вырвался, мстительно цапнул ректора за палец и с торжеством уселся на голову старика, тут же обгадив крючковатый нос.

— Верни ректору перо! — приказал принц.

— А не пошел бы ты... — начал было Ирек, но адрес никто не расслышал: потонул в жутком грохоте, донесшемся снаружи.

Вултон схватился за уши. Магистры повскакали с мест, их жезлы окутались сизой дымкой — полная готовность к бою. За куполом явно происходило еще что-то интересное.

От входа к столу приемной комиссии подбежали двое: дежурный маг с алой повязкой на рукаве и сержант-мракар.

— Господин ректор! Там еще группа прорывается, требует допуска к испытаниям.

— Кто такие?

— Опоздавшие с острова Фрид. Говорят, шторм отнес их в лапы жужел, потому и задержались, пока врага не истребили.

— Если не смогли остановить бурю, значит, провалили испытания. О чем может быть речь!

— Так они говорят, что остановили, но отклонились от курса.

Вултон, и без того раздраженный (страшно подумать, как он отыграется на нас), уперся:

— Вот прорвутся, тогда и поговорим.

Его словно услышали: жажнуло так, что земля содрогнулась, купол лопнул, и на полигон ворвались трое всадников на огромных летающих насекомых. Да-да, тех самых двухметровых жужелах.

Под поднятым вихрем от крыльев, а каждая тварь обладала двумя парами оных, комиссию снесло вместе с бумагами, билетами и креслами.

К тому времени, как порядок навели, новые правила написали и подписали, а купол восстановили, на полигон, пользуясь хаосом, набились все желающие зрелищ.

Они их получили сполна.

* * *

Как ни впечатляющ был прорыв новой группы под магический купол (!) Академии Тьмы (!!!) под сорвавшиеся с жезлов высших магов парализующие заряды (!!!), трех абсолютно

невредимых соискателей званий боевого мага — двух великолепных мужских экземпляров и девушку — заставили сдавать вступительные испытания вместе с принцем Дьяром и второгодником Иреком.

Особенно запомнилось варварское решение задачи на вычитание. Предводитель островитян, получив гигантского змея с заданием вычесть из подобного подобное, создал собственную копию и отправил ее в бой со змеем. Фантом парня повис на хвосте чудовища и был проглочен голодным змеем вместе с кончиком хвоста. На этом чудище почему-то не остановилось и продолжило, роняя слезы, заглатывать самое себя, пока не сдохло, пожрав себя по самую голову.

Когда очередь дошла до нас с Мирандой и остальных из нашего потока, комиссия устала так, что обошлась простейшими заданиями.

— Лика Тария, клан Вечерних теней, — вызвали меня.

Я прошла к столу комиссии.

Ректор, почесывая до блеска отмытый нос, оглядел меня, осознал всю полноту моей боевой готовности и хмыкнул:

— Вот что, милочка. Больше нам тут разрухи не надо. Уж вы как-нибудь мирно попробуйте справиться с заданием. Билет, пожалуй, тащить не будете, а то мало ли, что там окажется такого, к чему мы будем не готовы... — он покосился на площадку, где под властным взглядом принца Дьяра самозакапывались зомби, нервно побарабанил пальцами по столешнице. — Ну, скажем, покажите-ка нам ваши таланты не в способах убийства и разрушения, а в области противоположной. Хотя нет, не надо, — вдруг испугался он каких-то своих мыслей при взгляде на мое декольте. — Как вы, вероятно догадываетесь, одно из необходимых качеств темного мага — способность проявить невидимое...

Он не успел договорить и конкретизировать задание, как я приступила к исполнению: вытащила кинжал из-за голенища и направилась к Иреку Гилу, как раз проявившему невидимое — парочку привидений. Он их построил и теперь дирижировал дуэтом, вывшим скабрезные частушки перед красной от негодования комиссией.

— Не ходите, мавки, замуж, ничего хорошего! Утром встанешь — кости набок и... Ой! Ой-ой-ой! — увидев всю такую решительную меня, привидения заткнулись и срочно растаяли.

Ирек оглянулся — выражения его лица прочесть было невозможно, так как лица, по сути, не было видно, — и почему-то рванул прочь. Я за ним.

— Она что, сумасшедшая? — проорал второгодник, проносясь мимо остолбеневшей комиссии.

— Только без увечий! — хором ответила комиссия, срочно пересаживаясь за ограждение, отделявшее зрителей от испытательной площадки.

Мирно не получилось. Бегал Ирек быстро. После пары кругов я метнула в него парализующее заклятие.

Отбился.

Я начала ставить на его пути иллюзорные барьеры.

Проигнорировал, тараня их лбом.

Перешла к неиллюзорным.

Проигнорировал точно так же, но начал потирать на бегу лоб.

— И-рек! И-рек Гил! — скандировали трибуны с одной стороны.

— Ирек, отдайся! — орали с другой.

На пятом кругу, когда мы разогнали с площадки всех экзаменующихся, он попытался перепрыгнуть через ограждение к зрителям.

Я сплела заклинание аркана, поймала его за ногу, но он так прочно вцепился в барьер, что рухнул вместе с ним.

К несчастью, именно в этом секторе был вход в «конюшню», где томились ездовые жужелы островитян.

Твари с треском вырвались. Ирек успел вцепиться в одну и забрался в седло уже на лету. Акробат. Две тварюги ринулись на меня.

— Стоять! — скомандовал им предводитель островитян, прыгнул через ограждение на спину одной жужелы и с такой силой натянул узду, привязанную к жвалам, что голова твари хрустнула.

Его товарищ, проделавший было тот же маневр со второй жужелой, промахнулся, и тварь мгновенно добралась до меня — догнала и уже разевала надо мной пасть.

Тут проявил себя принц — швырнул в морду гадины сгусток тьмы, и она подавилась.

— Не убивай, она мне нужна! — крикнула я и, оседлав оглушенное насекомое, пустилась в погоню за порхающим под куполом Иреком.

Тварь летела вяло, но, получив целительный удар по затылку, выхаркнула темный яд и ожила.

Мы еще этак с четверть часа носились под куполом, швыряя друг в друга всякую дрянь и уворачиваясь от контратак, пока я, вспомнив о богатом экзаменационном опыте, не разделила жужелу под Иреком.

Лихой наездник еще попытался если не усидеть, то устоять на двух спинах одновременно, как циркач на двух конях. Трибуны неистовствовали.

— И-рек! И-рек! И-рек Гил!

Но тут мешавшие друг другу насекомые разлетелись, и любимец публики рухнул из-под самого купола.

Защитные воздушные подушки мы с ним создали одновременно, и приземление должно было получиться мягким, как в облако пуха. Но Ирек, как упал на спину, раскинув руки, так и лежал, пока я спускалась и обездвживала заклинанием свою жужелу. Трибуны выли. Они меня растерзают, подумала я, подбежав к упавшему.

Его глаза были закрыты. Я нащупала пульс. Бьется как бешеный!

Тут мертвец ожил, попытался перевернуть меня на спину, но я сидела прочно на его животе. Взмахнула кинжалом. Трибуны, охнув, забыли дышать.

— Лежи смирно, Ирек, — приказала я. — Мне дали задание побрить тебя.

— Так бы сразу и сказала! — с облегчением вздохнул он и, ухватив меня за бедра, сдвинул чуть ниже.

— Мне так неудобно, — я скользнула выше, примерилась лезвием к его бороде.

Он снова сдвинул меня ниже. С трибун ободряюще засвистели.

— Порежу! — прошипела я, снова усаживаясь ему на живот.

— Режь, — разрешил Ирек, переместив меня обратно на чресла. — Это будет прекрасная смерть. Кстати, как тебя зовут, прекрасная?

— Так и зовут. Смерть.

Перебралась ему на грудь и вцепилась в бороду.

Он опять сместил меня. Буйная борода, скрывавшая его лицо до самых глаз, сползла и осталась у меня в руках без всякой помощи кинжала. Лежавший подо мной парень оказался

вовсе не уродом и блаженно улыбался, поблескивая из-под ресниц черными глазами.

Я попыталась встать, раз уж добыча в моих руках, но он ухватил меня за предплечья и опрокинул, закрыв мне рот долгим, глубоким поцелуем. Трибуны взорвались аплодисментами и бешеным свистом.

Когда Ирек оторвался и помог мне подняться, я наткнулась взглядом на мрачную физиономию принца и позлорадствовала. Островитянин, кстати, тоже смотрел на Ирека довольно злобно. Еще бы, всех жужел ему угробили.

Самым неожиданным было решение комиссии. За проявленные знания, находчивость и творческий подход к заданиям Миранду зачислили на второй курс, а меня, островитян, принца и Ирека — сразу на третий. Какая честь! Почему бы сразу дипломы нам не выдать?

Как честная перед богами и людьми девушка, я уперлась:

— Мэтр Вултон, я недостойна такого доверия и считаю свои знания недостаточными. Прошу перевести меня на второй курс.

— И нас! — хором сказала вся компания новоявленных третьекурсников.

Обомлел не только ректор, но и я. Ладно бы один принц проявил такую сказочную солидарность. Но Ирек? А островитяне-то с чего бы?

— Пожалейте Академию! — возопил старый маг. — Лика Тария, я думал, вы будете польщены и обрадованы.

— Я и то, и другое, но хотела бы получить больше теоретических знаний.

— И мы! — поддакнул хор.

— Вы не понимаете системы поступления в Академию Тьмы! — уговаривал нас ректор. — Ладно, провинциалы могут не знать, но вы-то, ваше высочество, прекрасно осведомлены! Отсчет курсов с первого по последний — это чистая условность. Не столько мы, сколько сама Тьма оценивает уровень знаний и магической силы соискателей по их истинному достоинству. И ни разу мы не ошибались. Бывали случаи, что и на пятый курс сразу принимали. Владыку Сатарфа, когда он еще был принцем, например.

Какое изысканное прикрытие подхалимажа, восхитилась я. Тьма оценивает. Ну надо же. Она бы меня оценила так, что от меня, сельо, и мокрого места не осталось!

— А далее, — заливался Вултон, — наше дело только отшлифовать бриллиант. И для каждого мага составляется абсолютно индивидуальная программа. А теории вам будет столько, что еще поплачете. Если все дело в вашей подруге Миранде, — заметил проницательный старикашка, — то мы можем принять и ее на третий курс, условно, в качестве аванса. Показатели у нее неплохие. Но ей придется подтянуть и теорию, и практику.

— Подтянем! — поклялись все.

— Адепт Дьяр, задержитесь на минуту, остальные ступайте к коменданту. Будете теперь работать до осени, как пчелки, на восстановлении зданий.

Мы отошли, но разыскивать коменданта не торопились. Лично мне было жутко интересно, о чем секретничает ректор с принцем.

Подслушать удалось немного: ректор лишь указал, к моей радости, общее место: в стенах Академии Дьяр не принц, а такой же ученик, как все, и подчиняться существующим порядкам обязан беспрекословно под угрозой отчисления в сей же миг или вызова родителя пред очи ректората.

Представляю, с каким грохотом явится темнейший папочка на разборку. Даже предвкушаю.

— Комнат свободных в общежитии для вас нет, адепт Дьяр, — завершил ректор

нотацию.

— Не требуется.

— Обращаться ко всем старшим и магистрам надо «господин учитель» или «мэтр», — Вултон назидательно воздел перст.

— Не требуется, господин учитель, — принц безмятежно улыбнулся и почтительно поклонился старичку, как и положено кланяться старшим бедному и сирому студиязусу.

Мне это начинает нравиться.

Глава 4

Лица, борода Шу и Башня трех принцесс

Борода Ирека, лохматым клубком дремавшая в солнечных лучах на подоконнике, пошевелилась, расправилась и лениво поползла в тени.

Никакая это была не борода, как выяснилось, а дивный зверек хеммо с каких-то дальних островов. Ирек подарил, сказав, что я добыла его в честном бою.

Звали существо просто Шу, но на имя Борода оно тоже откликалось. Этакая шкурка без морды, лап и всего остального, но вполне могла себе их состряпать. Очень эластичная и способная принимать ту форму, какую надо хозяину, хоть закатать его с ног до головы. мех, правда, будет не такой густой.

Это потрясающе ласковое создание стало всеобщим любимцем (или любимицей, потому что пол мы так и не выяснили, а Ирек только плечами пожимал, мол, и сам не знает), оно признало меня за хозяйку, сопровождало всюду, а утром я всегда обнаруживала Шу в своей постели. Потому я предпочитала говорить о ней — «она», дабы не гневить богиню Лойт.

Не знаю, чем кормилась Шу на родине, но в первую же ночь, забравшись ко мне под покрывало, эта зараза обеззаразила мой пояс!

Наутро я, потрясая вялой Шу, розово-желтенькой в зеленую крапинку, помчалась в общежитие мальчишек разыскивать комнату Ирека Гиля. Именно там мы вчера всей компанией, за исключением принца, начали отмечать поступление, продолжив под предводительством все и всех знавшего второгодника в студенческой забегаловке за стенами Академии. Как мы вернулись по своим комнатам, не помнили ни я, ни Миранда, ни островитянка Зулия (утром пришлось знакомиться с ней снова).

Мои ноги, как оказалось, помнили больше, чем голова, потому что остановились у двери с устрашающей надписью: «Не входи — убьет».

Ирек, помятый и невыспавшийся после вчерашней гулянки, открыл после долгого стука, разбудившего пол-этажа, втащил меня в комнату и захлопнул дверь под ехидными взглядами высыпающих в коридор адептов.

— Спасительница! Ты принесла мне лекарство от похмелья! — он попытался сграбастать из моих рук шкурку Шу.

— Оно сдохло!

— Как? — уставился он на перекрасившуюся Бороду.

— Отравилось редким ядом змеи варрдх.

— Не может быть! Хеммо отравить невозможно. Яды для них — нектар. Да она просто обожралась до неприличия! Жаль... Придется лечиться традиционными способами. Тебе не предлагаю, — Ирек вытащил из-под кровати брякнувший стеклом ящик.

— Почему?

— А зачем? После того, как на тебе попаслась Шу, в тебе уже ни миллиграмма отравы нет, во всем организме. Кстати, какое ты имеешь отношение к змеям варрдх? Родственница? С виду вроде не похожа на них, хотя... — парень рассмеялся и ловко увернулся от шлепка Шу по плечу. Шкурка при этом вытянулась в мохнатую ниточку и повисла с самым разнесчастным видом. — Ну что ты на меня то с ножом, то с удавкой? Нравлюсь?

— Нет! — слукавила я. По нашему с Мирандой мнению, Ирек нравился всем: столько

друзей у него тут оказалось, и они вчера устроили ему настоящее чествование по случаю возвращения в родные пенаты. — Мне нравилась твоя борода, но она оказалась приклеенной. А откуда у тебя хеммо? Никогда о таких зверушках не слышала.

— Друг подарил. Хеммо — зверь с заокеанского материка, еще более редкий, чем змея варрдх, — подмигнул он, откупоривая небольшую бутылочку из черного стекла. — Я как раз решил заскочить в Академию за вещами, а тут разруха и веселуха. Вот и решил, что жизнь, может, только начинается, и как же тут без меня? Ну, за тебя, воительница, — он обезоруживающе улыбнулся, отсалютовал и отпил глоток из странной бутылочки.

Шу, пристроившаяся воротником на моих плечах, ожила и поползла на запах.

— Держи Бороду! — скомандовал Ирек.

Поздно. Ленивый зверек обрел неожиданную прыть, налетел на бутылочку, выбив из руки парня, и плюхнулся в разлившуюся, остро пахнущую травяной настойкой лужу. Ирек выругался, подняв за мех снова обмягшее существо. Лужицы уже не было.

— Эх... Ну, пошли в забегаловку, заодно позавтракаем.

Едва мы двинулись к выходу, раздался громогласный стук, а когда Ирек распахнул дверь, перед нами предстал бледненький и злющий принц Дьяр.

— Чего приперся? — мгновенно ошетинился Ирек.

— Я назначен старостой группы, — надменно сказал принц, умудрившись глянуть на второгодника свысока, хотя они были одного роста.

— Мои поздравления. Мне-то зачем пришел докладываться?

— Как староста, я обязан довести до сведения всех остальных кое-какие правила дисциплины. В комнатах адептов мужского пола запрещено находиться особам женского пола, и наоборот.

— Да с каких это пор?

— С сегодняшних. Нарушение будет зафиксировано и передано в деканат.

— Стукач!

Принц, не удостоив меня взглядом, развернулся и ушел по коридору сквозь строй вальяжно подпиравших стены темных адептов, под их недобрыми сощуренными взглядами — прямой, как корабельная мачта.

* * *

О чудесных антипохмельных свойствах Шу быстро пронюхали абсолютно все, и в нашу комнату началось повальное паломничество. Еще не успели начаться занятия, как мы с Мирандой и Зулией, которую подселили к нам, перезнакомились со всеми адептами Академии. Тот факт, что их каникулы прервали преждевременно, срочно вызвав для ремонта пострадавших от бурного экзаменационного лета помещений, вполне компенсировался наличием у виновниц универсального средства от похмельного синдрома. К тому же недогуленные деньки им обещали вернуть, увеличив зимние каникулы.

Каждое утро перед нашими дверями выстраивалась очередь из страдальцев, жаждавших прикоснуться к святым мощам Шу. Их не пугало и то обстоятельство, что комната находилась рядом с комендантской. Такие жизненно важные заклинания, как отвод глаз, все выучили еще в домашних магических школах.

Мохнатое создание до того подросло и разжирело, что походило уже не на бороду, а на

коврик с густым ворсом всех оттенков радуги.

Новых правил никто не нарушал: за порог гости не переступали. Шу лежала прямо под дверью, уже не в состоянии передвигаться, хотя ночью все-таки доползала до моей постели и, вскарабкавшись по спинке, бухалась неизменно на голову.

Устав от ежеминутного стука по утрам, мы уже и дверь не запирали. Страдальцы бесшумно просовывали руку, гладили Шу и уступали очередь другим мученикам.

Потому для нас стал неожиданностью громкий стук в дверь, раздавшийся где-то через неделю после нашего пребывания в Академии.

— Открыто! — крикнула Миранда, не поднимая головы от подушки.

— Достали! — простонала Зулия. — Да разверзнется земля пухом под вашими ногами! Обормоты ничтожные, пьянчуги бесстыжие, дикари сухопутные!

— Можно? — спросил незнакомый мужской голос от порога.

— Нельзя! — ответили мы хором. — Мальчикам не положено! Приказ ректора висит в рамочке на двери!

— Спасибо, я прочитал. Но там ничего не сказано о кураторах вашей группы.

— Ой... — сказали мы хором.

Через пять секунд мы были уже одеты, умыты, покрашены и исподтишка рассматривали гостя, а Зулия, надо сказать, бесстыдно таращилась во все глаза.

Тут было на что посмотреть.

Былинный богатырь, чудом затесавшийся в демонические ряды. Кудрявые русые волосы до плеч, соколиный (или орлиный?) взгляд ясных глаз. Косая сажень в плечах, бицепсы, трицепсы и все прочее на нужных местах. И румянец во все щеки (или это от смущения? Тот он старался не смотреть на знойную Зулию, оставшуюся в полупрозрачных шальварах).

Куратора звали Грид Сайк. И пришел он не только познакомиться, это он мог спокойно сделать днем на строительно-отделочных работах, а помочь нам с переездом. Немедленным. Ректорат, видите ли, обеспокоен очередями мальчиков к дверям нашей комнаты.

* * *

Нас переселили в заброшенный донжон позади корпуса общежития. До сих пор эта башня была самой высокой из строений древней крепости, где располагалась Академия Тьмы. Она насчитывала три этажа с неимоверно высокими потолками, чердак и подвал.

Первый этаж, где располагалась кастелянша вместе со всем своим хозяйством, начинался на уровне нормального второго. К бронированной двери, находившейся на высоте в два человеческих роста, вела приставная магическая лестница, исчезающая и появлявшаяся минута в минуту с началом и окончанием «комендантского часа», то есть ее в помине не было с одиннадцати вечера до семи утра.

Огромный второй этаж пустовал.

Наши комнаты оказались на третьем, спешно переоборудованном под жилой. Три спальни, ванная и общий зал с диванчиками и камином. По сравнению с прежней казармой — настоящие хоромы, если бы еще не бегать по узким винтовым лестницам каждый день вверх-вниз.

Зато никто не заберется. Так нам казалось.

Сутки мы наслаждались спокойствием и комфортом. Потом началась осада.

С утра вход осаждали ставшие неожиданно чистоплотными адепты с пачками белья под мышками. Пока одни отвлекали кастеляншу Кикирусю — дряхлую ведьму, ругавшуюся на пяти древних и двух современных языках, другие умудрялись прошмыгнуть на лестницу и погладить ждавшую там Шу.

Крышу облюбовали старшекурсники для вечерних летных тренировок. Полеты не прекращались ночи напролет.

После первой же попытки пробраться к нам через каминную трубу, магистры ее перекрыли наглухо.

Кикируся допускала к нам только Тая на правах однокланника, помолвленного с Мирандой, да и то им, как арестантам, дозволялось видеться лишь в присутствии надзирательницы, потому Тай мог только мяться и вздыхать нечленораздельно. Зато тортики и пирожные не забывал приносить.

Миранда таяла, а мы с Зулией скрежетали зубами. И через пять минут после его появления сбегали, задерживаясь только для того, чтобы схватить сладкого на халяву. Если бы не эти взятки, мы бы убили воздыхателя в первый же вечер за занудство и подняли бы. Разницы никакой, но труп хотя бы не вздыхает.

Остальные вздыхали вокруг башни.

— Девочки, а вам не кажется это странным? — спросила я, наблюдая, как очередной взломщик, спустившись на веревке, пытается подобрать заклинание-отмычку к магической решетке на балконной двери. — Неужели все начинающие темные маги пьют по-черному? А к концу учебы они все уже законченные алкаши?

— Что-то подозрительно это все, — отозвалась Миранда. — Надо спросить у Тая.

Ясно одно: вся эта шумиха и массовое паломничество к Шу кем-то организованы. Но избавиться от зверька, точнее, зверюги, выросшей с ковер два на два метра, было уже невозможно, как выбросить на улицу любимого котенка.

* * *

К началу осенних занятий магистры сообразили соорудить на крыше нашей башни птичник для горгулий, а на балконе поселить цепного грифона.

Нас охраняли строже, чем султаны свои гаремы. Зулии очень льстило. Не хватало только дракона, и я поселила Шурша на пустовавшем втором этаже — для того, чтобы Кикируся не лезла к нам с воспитательными целями.

Неприступный донжон сразу получил имя: Башня трех принцесс. Зулия была в восторге. Первые сутки.

На вторые горгульи невзлюбили грифона. Грифон — дракона. Дракон — Кикирусю. Ведьма — нас. Мы — весь мир.

Гвалт в башне сверху донизу стоял круглосуточный и оглушительный.

Горгульи непрерывно дрались то друг с другом, то с грифоном, если тот не дрался с драконом, если Шурш, снова укравший простыню — он был чистюля и любил запах мыла, как пчелы нектар, — не дрался с ведьмой, ругаясь с ней на пяти древних и двух современных языках.

Только опять усохшая до размера бороды Шу молчала, тоскливо покачиваясь на абажуре люстры.

Какие уж тут занятия! Голова гудела днем и ночью, мы зверски не высыпались и наверстывали на лекциях. За что и получили все трое по замечанию в личное дело. Еще парочка таких записей, и нас ждут более крупные неприятности, чем горгульи.

— Чтоб эти твари все сдохли! — Зулия накрыла голову подушкой.

— Кроме Шурша, — тут же сказала я, сложив пальцы в знак, отвращающий проклятие.

— Кроме Шурша, — послушно повторила островитянка. — Не могу больше!

— Девочки, давайте всех убьем! — даже Миранда стала кровожадной, хотя всхлипнула, оплакав будущих жертв. — Кроме Шурша. Это невыносимо!

— А-а-а-а! — Зулия запустила подушкой в сунувшуюся в дверь драконью морду.

Шурш рачительно прибрал дар под крыло и облизнулся на Шу. Она тут же оцетинилась, как кошка, рванула по цепи к своду. Крюк, на котором висела массивная цепь, угрожающе затрещал.

— Подушку отдай! — спохватилась Зулия.

Дракончик помотал головой и попятился.

— Простыню верни, гадоступ чешуйчатый, яйцо переносное, мокрица огнедышащая! — донесся снизу визг кастелянши.

Шурш панически заоглядывался, втянул голову в плечи и попытался забиться в камин.

Я прочитала заклинание отзыва. Дракон исчез вместе с подушкой и торчавшей из-под второго крыла простыней с черным казенным штампом на уголке.

— Где эта гнилая моль-переросток? Не видели? — ворвалась Кикируся в съехавшей набекрень шляпке, из-под которой торчали седые космы.

Мы все трое уже чинно сидели на диванчике с учебниками в руках. Помотали головами: не видели, мол.

Старуха недобро прищурилась на камин.

— Упорхнул, ворюга!

Ей ответил запредельный гвалт с крыши: горгульи опять ссорились.

— Вы бы, девки, лучше звукоизоляцией занялись, чем книжки-то учиться читать вверх ногами, — посоветовала ведьма, прежде чем хлопнуть дверью.

Мы промолчали. А то не знаем. Заклинание звукоизоляции держалось на стенах ровно десять секунд, после чего звукопроницаемость почему-то усиливалась на час. Заколдованная башня, не иначе.

— Я так больше не могу! — всхлипнула Миранда. — Я... к Таю попрошусь на ночлег. Хотя бы на одну ночь! В окно влезу, никто и не увидит.

— А я к Иреку, — вдохновилась я идеей.

Островитянка попыталась отговорить нас от безумства, но не преуспела и, покосившись на грифона, долбившего клювом нашу балконную дверь, вздохнула:

— Тогда я к Айресу и Дагу пойду.

Когда я проходила под люстрой, Борода плюхнулась мне на голову. Это исчадие меня совсем без мозгов оставит! Зато с таким париком никто не узнает, расправила я кудрявую бронзовую шерстку по плечам.

* * *

Конструкция донжона не предусматривает второй входной двери, только одну — через

сторожевой пост бдительной ведьмы. Мы подозревали, что, как во всяком уважающем себя средневековом укреплении, в башне должен иметься подземный ход на случай осады. Но попробуй его найти в подвале, забитом тюками с бельем, матрацами, сундуками и корзинами. К тому же в подвал можно было пройти только через труп Кикируси. Нам и заглянуть-то туда довелось лишь один раз, когда ведьма сама позвала меня вылавливать попавшего в ловушку Шурша. Он тогда запутался в белье при попытке кражи и орал, как рота голодных младенцев.

Потому путь нам с девочками был только один: бегство по стене.

Связав найденные в заначке Шурша простыни, мы спустились со второго этажа, пока явившийся на защиту гнезда и смирившийся с грабежом дракончик отвлекал грифона и горгулий.

К счастью, ночь была безлунной, только слабо светили звезды, и мы добрались до общежития мальчишек незамеченными.

Миранду, как истинную дочь клана Вечерних теней, не могла разглядеть даже я, хотя ощущала рядом ее дыхание. Смуглая и гибкая Зулия двигалась, как черная кошка в темной комнате — невидимо и беззвучно.

У меня тоже неплохо получалось, но со стороны я себя, конечно, не видела.

Подруги двинулись к правому крылу корпуса, где разместили новобранцев в мужские студенческие ряды, а я свернула налево — Ирека не стали переселять с этажа бывших однокурсников, оставив ему старую комнату под самой крышей.

Его окно не светилось. Опять где-то гуляет!

На всякий случай я запустила в окно камушек, добавив к нему заклинание, чтобы долетел. Перестаралась. Грохнуло о раму так, что я испугалась. Тишина-то в этой части академгородка такая, словно полог беззвучности кто накинул — даже вопли горгулий с башни сюда не доносились.

Слава богине, покровительнице ночных свиданий, окно не разбилось, а створка гостеприимно отошла. Больше на грохот никто не среагировал. Точно хозяина нет дома.

Так это же замечательно! Правда, четвертый этаж... Зато у меня есть Шурш.

* * *

Спрыгнув с подоконника, я первым делом убедилась, что в комнате пусто, а дверь закрыта, и лишь потом, не раздеваясь, рухнула на узкую койку у стены и мгновенно уснула, едва щека коснулась подушки.

Очнулась от того, что Ирек держал меня на весу за шкурку, встряхивая как безвольный половичок, и шипел:

— Мне тут еще шлюх не хватало! Как ты пробралась сюда, девка? Ну, мерзавцы, узнаю, кто тебя мне подложил, урою! Убирайся!

Моя ничего не соображающая голова моталась, вея длинными бронзовыми локонами: Шу остервенело в нее вцепилась, изображая мой парик.

Парень потащил меня к двери. Я ухватилась за спинку кровати. Он же меня задушит! Прохрипела:

— Только не туда!

— Правильно! — остановился Ирек. — Лучше выбросить в окно. У нас, знаешь ли,

строгие правила: никаких девочек. Чтоб меня из-за какой-то лахудры отчислили?!

«Шурш, сюда!» — мысленно призвала я.

— Пусти, Ирек, я сама! — я пнула хозяина комнаты по колену. Прوماхнулась.

— Что-то у тебя голос знакомый, — он развернул жертву удушения к себе, откинул с моего лица меховую поросль Шу, а потом совсем сдернул хеммо и обомлел. — Лика? Ты? Ох, прости, даже подумать не мог! Что у тебя случилось?

«Исчезни, Шурш», — приказала.

— Ничего не случилось, Ирек. Просто спать хочу.

— Со мной? — округлились в изумлении черные глаза.

— Нет! Одна! Просто спать! В тишине и покое! И чтоб никто не мешал! Никто!

— Тсс, — он пальцем провел по моим дрожащим губам, уткнул мою голову в свое плечо и погладил по голове, растрепанной после пребывания на ней Шу. — Тише, разбудишь какую-нибудь нечисть, и нас опять заложат. А в башне кто тебе мешает? С подругами не повезло? Буянят?

Я посмотрела в его лицо. Вроде бы не смеется, но в звездном свете не разглядишь, а светильник он не зажигал. Всхлипнула. Так себя жалко стало, так жалко!

— Рассказывай, Лика, — потянув за руку к койке, он усадил меня на колени, как ребенка, обнял и потребовал подробностей. А выслушав мои стоны и жалобы, вздохнул. — Да-а, не позавидуешь... Прости, что разбудил. Думал, опять демоны с факультета превращений прикалываются. Заколдуют какую-нибудь дрянь вроде швабры или даже бродячей собаки и подсовывают честным ребятам в постель.

— Весело тут у вас.

— Не то слово. Можешь располагаться как дома. Спи, я к друзьям пойду.

Не успела я, не дожидаясь, когда хозяин покинет комнату, снять сапожки и положить голову на подушку, как раздались стук в дверь и громовой голос куратора Грида Сайка:

— Адепт Ирек Гил, открой немедленно!

«Шурш, ко мне!» — заорала я мысленно, проклиная весь мир и нашаривая куда-то уже подевавшиеся сапоги.

Дракон не явился!

— Ирек! — содрогнулась дверь.

— Зови дракона, Лика! — шепнул парень.

— Не откликается!

— Бездна дерьма! — выругался Ирек. Протянул найденные сапоги, нахлобучил мне на голову Шу, а затем, пошарив под кроватью, выхватил бутылочку, капнул из нее на ладонь густой жидкости и... растер по моему лицу, не успела отдернуться. Кожу защипало.

— Ты что?! — зашипела я.

— Тсс... Все нормально. Теперь тебя точно не узнают.

В дверь еще раз гроыхнуло, и державшая ее щеколда отлетела.

— Так-так... — сказал куратор, проходя в комнату и щелчком пальцев зажигая ярко-красный световой шарик. В зыбком свете мы все выглядели сущими упырями, особенно злые дежурные с повязками, маячившие за спиной куратора. Принца среди них не было. Впрочем, и не должно было быть: на ночь он уходил во дворец. — И что тут у нас? Нарушение дисциплины, вижу. Двойное, поскольку в мужской комнате обнаружена, во-первых, девушка, во-вторых, лицо, не имеющее отношения к Академии. А мне сказали, что видели у твоего окна дракона смерти, Ирек...

— Был, — признался второгодник и показал на стол, заваленный грудami макулатуры. — Лика мне тетрадь с лекциями вернула и улетела.

Куратор подошел ближе, рассматривая меня, но я срочно потупилась, натягивая сапог.

— Ну-с, и что ты такое и как тебя зовут, нарушение?

Я спокойно натянула второй сапог, встала с койки, откинула с плеча длиннущую бронзовую прядь, смешавшуюся с моими родными, выбившимися из растрепанной косы локонами... мамочки! Эта зараза Шу когда-то успела сожрать черную краску с моих волос! Еще не легче...

— Я все объясню, магистр Сайк, — Ирек загородил меня плечом. — Девчушку-то чего допрашивать?

— Объяснять будешь ректору. Поздравляю, Ирек, он только этого и ждал. Господин Вултон будет счастлив, что ты так быстро срезался. И на чем! На девицах! Идем, девушка, здесь посторонним не место.

— Я провожу, — дернулся второгодник.

— Ну уж нет, я сам провожу даму до ворот. А то тут много желающих найдется. А ты пока объяснительную пиши, Ирек.

* * *

Выведя меня среди ночи за ворота Академии, куратор поинтересовался:

— Где ты живешь, девица? Или ты на работе? Куда тебя проводить?

Я высвободила локоть из его не слишком крепко сжатой ладони. Буркнула:

— Я сама.

— О, так у тебя голос есть? — хмыкнул он. — Я думал — немая. И, девушка, как так получилось, что на тебе в точности такая же одежда и обувь, как на одной нашей адептке?

Вот демон! Наблюдательный! Я рванула бегом от Академии через парк, отделявший ее стены от городских улиц. Спрячусь за кустиком и призову дракона.

Бегаю я обычно бесшумно. Вот только голова под париком из Шу невыносимо чесалась — наверняка негодяйка поела остатки краски с волос. Длинная шерсть зверька равномерно рассредоточилась по голове и свисала прядями, вылизывая мне лицо, щекоча нос и мешая вовремя замечать препятствия. Да еще местность не изученная. Потому я то и дело чихала и спотыкалась.

Выбежав на освещенную магическими фонарями парковую дорожку, я зацепилась за что-то каблуком и едва не грохнулась, но налетела на что-то твердое, как дуб.

— Глянь-ка, девка! — обрадовался дуб, от которого невыносимо пахнуло перегаром, и схватил меня за руки.

— И правда девка. И одна! А я думал — мужик, раз в штанах.

Я сдула пряди шерсти с глаз. Вот влипла. «Шмонари»!

— А мы ща проверим, мужик это или баба. Растянем на пятерых. Хурш, сними с нее штаны, я держу.

Сзади меня облапали, нашаривая застёжку.

Дракон все еще не отзывался. Пришлось брать ситуацию в свои маленькие женские ручки, сжатые до боли грубыми мужскими лапами.

Тут главное — не щадить. Они тебя точно не пощадят. Пояс целомудрия сохранит мою

честь, но не здоровье. Не хочется быть избитой, когда эти уроды начнут отыгрываться за облом. Но оба «шмонаря» стояли слишком близко для удара ногой — толку не будет, только дразнить. А надо наверняка.

— Может, в кустики пойдем, мальчики? — подалась я вперед, прижимаясь к парню, державшему меня за руки, и мешая возне второго с завязкой. — Я тут стесняюсь... еще увидит кто лишний.

Он склонился, не расслышав мой шепот. И чуть не остался без носа — я вцепилась зубами, наваливаясь всем телом. В тот же миг вонзила каблук в ступню второго, пробив подточенной набойкой кожу его сапога. Коленом второй ноги ударила первого между ног и тут же рывком назад заехала второму парню подошвой по тому же месту.

Оба взвыли благим матом, повалились. Но осталось еще трое. Одного взяла на себя Шу, прельщенная сивушным перегаром — сорвавшись с моей головы, метнулась и залепила ему рожу, не отодрав. А двое, обзываясь нехорошими словами, взяли меня в клещи.

Я уворачивалась, блокировала удары, отводила заклинания, сплетала свои и успевала даже наступить на ворочавшуюся на земле парочку, чтобы снова пригвоздить, но волосы меня предали: один из мерзавцев ухватил в горсть и рванул к себе. Была бы коса заплетена, да с пестрой лентой...

Второй «шмонарь» со всей силы ударил меня в грудь, проломив защитное заклятие, и рванул на мне майку, разодрав сверху донизу. Вот когда я пожалела, что у меня нет бронелифчика. Надо обзавестись. В глазах потемнело от боли.

Богиня Лойт, не пора ли мне помочь?

Через миг я осознала, что потемнело не в глазах, а вообще, если это возможно ночью. Налетело что-то рычащее, махнуло крыло мрака, сметая моего обидчика. Хрустнули чьи-то кости.

Державший меня за волосы «шмонарь» охнул, отпустил и попытался бежать. Ему помогли, ударив сгустком тьмы и придав такое ускорение, что негодяй взлетел над деревцем и где-то рухнул с треском.

Колени у меня подогнулись, и я осела на что-то. Оно заскулило подо мной и поползло. Я пошатнулась, но упасть не успела: подхватили чьи-то бережные руки, меня снова окутало тьмой, я вдохнула ее, глаза закрылись. Открылись, и...

Здесь я еще не была.

Глава 5

Очень темная принцесса

Все по спальням да по спальням, как будто в столице больше смотреть нечего, даже обидно.

Эта отличалась изысканной роскошью, словно принадлежала даме. Темно-синие, слабо светящиеся стены и потолок с росписями и орнаментами, поблескивающими золотом и алмазной крошкой. Занавеси серебристо-голубые, как облака над морем. Обивка на резных креслах — в тон занавесям, с синим рисунком. Все строго, но не скучно, благодаря живым диссонансам: там врывалось алое крыло прекрасного демона, тут — багряная россыпь осенних листьев, просыпанных на плащ демонессы. Или живая солнечно-желтая роза в одинокой вазе, стоявшей в нише напротив ложа. Застеленного не дурацким скользким шелком, а тонким батистом.

Спальня его высочества, судя по гербам на балдахине и барельефу над нишей. Ну, и где он сам? Бросил и ушел за пилой для моего пояса?

Как жаль, что мне нельзя раскрывать свое происхождение и обучение. Разве ж болела бы теперь так адски грудь? Это, наоборот, кулак у мерзавца отвалился бы вместе с рукой, прежде чем он прикоснулся к моему телу. А уж с крыльями мне никакой бы Шурш не понадобился.

Роза, значит. Желтая. В парадной спальне наследника Темного Трона. А та, траурная каморка с черепами, была чьей?

Я повернула голову.

— Не рекомендую двигаться, — прозвучал холодный голос.

Принц сидел в кресле у самой стены, полускрытый балдахином. Нога на ногу, на коленях книга, за плечом синий световой шарик.

— Почему?

— Повязка сползет, придется новую накладывать, лекарство переводить.

Потрогала грудь. А вот и бронелифчик. Это он называет повязкой?

— На занятия завтра не пойдешь, — он захлопнул книгу.

— Почему?

— У тебя ребро сломано.

Какие подробности. И... почему я не помню, чтобы меня бинтовали?

— Не может быть!

— В мелкое крошево. И растерто, — Дьяр мечтательно поднял взгляд к своду. — Но хорошо, всего лишь трещина.

— Так и говорите, что просто синяк.

— Насчет трещины я не шутил.

Черный юмор у темных в почете. И как я могла забыть? Я отвернулась: шея затекла.

— А почему вы приволокли меня именно сюда?

— Я говорил уже, где твое место.

— Это не ваша спальня. Следовательно, и постель не ваша.

— И откуда такой вывод?

— Не вывод. Чувство.

Дьяр поднялся, прошелся по ковру до розы в нише, тронул пальцами лепесток — так

осторожно, словно щеку младенца. Повернулся, пристально глянув мне в глаза.

— Поразительно верное чувство, Лика. Это покой моей сестры.

Мрак преисподней! Ее покой! Ее постель! Ее белье! Хург побери!

«Ты еще будешь греть своим нежным телом мою постель, Аэли. Ты еще будешь прислуживать мне, маленькая мерзавка, будешь целовать мою плоть, и я увижу твою сладкую кровь на моих простынях...» Это у них семейное. Какой-то пунктик на постелях. И, увы, на мне. Но почему именно я, богиня?

— А... э... такая честь... и за что мне?

— Ты побледнела, Лика, — принц так неожиданно оказался совсем рядом, что я вздрогнула. — И ты дрожишь. Почему?

Нет, какие все-таки странные эти темные!

— Так как же не дрожать?! Тут, понимаете ли, лежит девушка с переломанными в пыль костями, похищенная, в незнакомых покоях, в чужой постели, наедине с ужасн... с темнейшим принцем... одинокая, беззащитная, избитая, перепуганная. А ей еще и не бледнеть, и не дрожать?

— Перепуганная? Это ты про кого? — нахмурился Дьяр.

— А, так тут, кроме вас, никого больше нет? Тогда я пошла.

— Лежать!

Расприказывался. Назло всяким там я села, спустив ноги с ложа.

— Я вам собачку подарю, ваше высочество, будет кому ваши команды исполнять.

Даже дернуться не дал — опрокинул, прижал плечи. Грозен, аж глазки синющие сверкают, ноздри раздуты, за плечами крылья прорезались, перья встопорщились, блеснули металлом. Боевая готовность. А на левой щеке, завешенной черными волосами, что-то проступило багровое. «Гад», — прочитала я. Приятно познакомиться.

— Не зли меня, Лика, — он сел на край постели, все еще удерживая меня одной рукой за плечо, подцепил прядь моих волос, приподнял, пропуская между пальцев, как шелковую ленту. Светленькую. Ни следа краски не осталось. — Документы фальшивые, семья фальшивая, черный цвет волос был фальшивый. Что у тебя настоящее?

— Душа, — проникновенно сказала я. — Ребра тоже, как выяснилось.

Его ладонь скользнула вниз, безбоязненно коснулась пояса.

— И это не подделка, — усмехнулся.

— Осторожно, яд.

— Врешь. Я тебя всю исследовал, пока ты спала как убитая. Даже заволновался... что ты в самом деле сдохла, а я проиграл пари.

Сволочь темная.

— Так вы из-за пари спасли меня от «шмонарей»?

— Разумеется. Не в моих привычках мешать подданным моего отца развлекаться. Но не с теми, кто принадлежит мне, — его пальцы нежно обрисовали мой пупок. — Или будет принадлежать.

Меня захлестнула волна ярости.

— Никогда! — рванулась и... больно, зараза!

Он тихо засмеялся, с легкостью удерживая меня одной рукой, сощурился и наблюдая холодно, как зверь за добычей. Это отрезвило. Я перешла на деловой тон:

— А давайте забудем о нашем маленьком конфликте, ваше высочество. Я принесу вам всяческие извинения и уберу след с вашей щеки, а вы милостиво простите глупую

провинциалку и снимете эту гадость с меня, — показала на рисунок вокруг пупка.

— Вот ты и окончательно прокололась, Лика, — его хватка усилилась, а вторая ладонь переместилась к горлу, и отточенный коготь коснулся пульсирующей точки. Один миг — и перережет сонную артерию. Его крылья образовали над нами непроницаемый шатер, и балдахина никакого не надо. В этой тьме светили, как звезды, синие глаза принца. Поизучав мою улыбочку, он склонился к самому уху — давление когтя на кожу усилилось так, что выступила капелька крови, — сказал тихо-тихо: — Блондинки слывут глупенькими, но ты — эталон глупости, Лика. Таким особям нельзя позволять жить, дабы не множить дураков в мире. Ты совершила первую ошибку, когда выпустила коготки, снабженные ядом сельо.

Молчим и слушаем.

— Ты носила напоказ ленту богини в косе, — продолжил принц. — Твой пояс целомудрия был бы обнаружен магистрами при первом же медицинском осмотре перед первой же боевой практикой. Ты не побоялась призвать дракона смерти, которых могут обуздать только владыки Темного Трона и лунные жрицы. И в довершение всего ты предлагаешь мне убрать метку. Только настоящая сельо может снять след, оставленный ядом сельо. Метки лунных дев не уничтожить больше ничем. Тут даже твоя Шу не поможет. И знаешь, почему ты еще жива, Лика, почему я не отправил тебя к палачам отца?

Я молчала, выжидая, что будет дальше. И он меня удивил.

— Потому что я не верю, что ты такая дура, какой хочешь казаться. Ты слишком старалась привлечь к себе внимание, чтобы тебя поскорее заподозрили. Даже Академию не постеснялась разгромить. И ты прекрасно знала, когда выпускала коготки, кто перед тобой. Знала, что Темный Трон обязательно заинтересуется девочкой из ниоткуда, способной управлять драконом смерти, и придет посмотреть и проверить. И мы, как ни досадно признавать, клюнули на наживку. За кем ты охотилась, Лика? За мной или моей сестрой? Кого приказала убить твоя богиня?

Вот только он ошибся кое в чем. Ну, то есть да, он не ошибся: я полная дура, если думала, что все получится так вот просто. Раз — и я боевой маг, знающий все сильные и слабые стороны темной магии, плюс старшая жрица лунной богини. Но вот не была я уверена при первой встрече, кто передо мной.

И даже сейчас, когда это синеглазое чудовище подозрительно неровно дышит, прижавшись всем телом, но так, чтобы не потревожить мои несчастные ребра, — не знаю. Синие глаза и черные волосы могут быть и у двойника, как предупреждала богиня Лойт. А двойник мне не интересен.

Так кто этот парень: сам Дьяр или «серая тень» под личиной принца? Как понять? И если уж я этого не могу понять, то как справиться со всем остальным?

— Не знаешь, что бы еще придумать, Лика? — моей шеи коснулись его горячие губы в том месте, где коготь оцарапал-таки кожу и выступила капелька крови.

Я не успела ответить: из коридора послышался цокот каблучков по гранитным плитам пола, створки двери отлетели от пинка, сгрохотав о стену. И раздался оглушительный вопль:

— Ах ты, мерзавец! Дьяр! Ты не нашел другой спальни для своих подстилок? Почему в моей? Убирайся вон! Девочку можешь оставить.

О богиня! Если он меня выдаст... Если она меня узнает...

В следующий миг мои руки обвились вокруг шеи принца, губы прижались к его губам — исключительно для того, чтобы он и слова не успел сказать! — а ноги раздвинулись и скрестились лодыжками над его ягодицами в совершенно неприличной позе. И плевать,

главное — чтобы не вздумал оставить меня своей зубастой сестричке! Не отцеплюсь ни за что!

Взятый в удушающий захват принц и не думал сопротивляться, а перехватил инициативу, завладев моими губами. Просунув одну ладонь под мою спину, а вторую — под попу, прижал к себе еще плотнее. Меня окатило жаром.

Я почувствовала, как мои лопатки на миг оторвались от батистовой простыни, но в следующий их снова вжало, уже в холодный шелк, а Дьяр (не могла же и его сестрица ошибаться, где ее брат, а где его цветная тень!), приподнявшись на локтях, чтобы не мучить мои ребра (какая забота!), и так и не отпустив моих губ, продолжил поцелуй — глубокий, неистовый, — пока я, не в силах уже дышать, не запросила пощады. Он содрогнулся всем телом, отпуская, уткнул влажный лоб в мое плечо. Его голос охрип:

— Тебе не больно?

— Что? — не поняла я. Губы точно болели.

— Ребро. Я старался быть осторожным, но мог сделать тебе больно. Мне бы не хотелось.

От изумления я потеряла дар речи, а он сложил полог крыльев и отстранился, растягиваясь на спине, и я онемела второй раз. Третья спальня? Этак я скоро побываю во всех постелях Темного дворца. Надеюсь, в папочкину он со мной не полезет.

— Дьяр! — раскатился по дворцу вопль принцессы. — Открой!

Принц хмыкнул.

— Ну все, пошла громить. Жаль, отец в отъезде. При нем не посмела бы.

— Дья-ар!!! Кто с тобой был? Открывай!

Бабах. Громыкнуло где-то снизу.

— Мои официальные покои взломала, — меланхолично констатировало высочество.

Снова вопль за стенами:

— Куда ты сбежал с ней, паршивец? Я все равно найду! Кто она?

Жуткий гром сверху.

— До моей лаборатории добралась, — проинформировал принц.

— Дьяа-ар-р-р!

Бухнуло сбоку.

— В тайный кабинет полезла.

Бум. Бам. Треск. Гром. Ужас какой-то.

— У «теней» шерстит, — веселился принц. — Сюда она не сунется, не дрожи так. Все-таки покои отца даже для нее неприкосновенны.

Так и знала, мрачно оглядела я ало-черный интерьер.

— А я и не дрожу. С чего бы? Подумаешь, в спальне темного властелина лежу с его сыном. С кем не бывает?

Грохот затих в устрашающей близости. Дьяр немедленно придвинулся, обняв меня, выпустил крыло тьмы, прикрывая нас с головы до пят.

Процокали каблучки. Остановились. Дверь дернули за ручку.

— Дьяр, ты тут? — зашипело в замочную скважину с такой злостью, что кожа у меня покрылась мурашками, и это не осталось незамеченным принцем.

Он погладил мое плечо, прижался горячими губами. Но глаза стали холодным синим льдом.

— Ты тут, брат, я чувствую, — громовым шепотом пробасила принцесса. — Кто эта

девчонка? Я сняла с подушки ее волос. Светлый, как лунное золото. Почуяла запах ее пота. И даже крови. Ты же нарочно пролил ровно каплю ее крови, да? Покажи мне девчонку.

Он молчал, наматывая прядь моих волос на палец.

Принцесса, видимо, села под дверь. Нстойчивая.

— Я хочу ее видеть, Дьяр. Ты не притащил бы кого попало просто так в мою спальню. Никого не притащил бы. Я тебя знаю, сволочь. Что ты хочешь за нее, скажи? Назови свою цену.

Принц улыбнулся. А мне стало страшно. О богиня, с двоими мне не справиться, даже если выпущу крылья.

— Я много отдам, проклятый мальчишка. Слышишь?!

В дверь грохнуло кулаком. Дьяр обхватил меня. Тьма его крыльев стала гуще, но сквозь нее еще просвечивали алые узоры стен спальни.

— Это она, я чувствую! — взревела принцесса Тьмы. — Эта дрянь — Аэли! Впусти меня!

— Вот я и выяснил, что хотел, Зарга! — расхохотался принц. — А ты так долго скрывала имя пигалицы, сумевшей выставить тебя на посмешище. И всего-то надо было подобрать и выкупать в цветочной воде первую же шлюшку да подбросить тебе на подушку пару беленьких волосков.

— Шлюшку?! — зашипела я.

Дверь затрещала под напором взбешенной принцессы, крылья Дьяра уплотнились, сомкнулись, и я ощутила перемещение.

Наконец-то снова — моя уютная спальня в замечательной, почти родной башне!

* * *

А раз мы снова на территории Академии, где будто бы все адепты равны, то можно и забыть, что передо мной наследник Темного Трона.

— Как ты меня назвал?! Ой... — моя ладонь привычным уже жестом полетела к щеке оскорбителя... и увязла в мгновенно сгустившемся облачке тьмы. А от резкого движения мой бронелифчик громко хрустнул. Я замерла с широко распахнутыми глазами и вытянутой рукой.

— Больно? — принц, вместо того чтобы возмутиться покушением, обеспокоенно свел брови.

— Н-нет... — и тут только я осознала, в каком виде стою перед ним, вся такая красивая, в бинтах и поясе целомудрия. — Отвернись.

Мое персональное средство передвижения приопустило крылья, но не убрало совсем, и мрачно паялилось в окно, пока я переодевалась за его спиной. Даже в половину размаха его крылья перегораживали комнату от стены до стены. Темно как в каземате.

Надежда, что Дьяр оставит меня в покое, если я буду лишь оскорбленно сопеть, рухнула после первого же вопроса:

— Итак, Аэли, почему тебя Зарга ненавидит до истерики? Даже не надейся увильнуть от ответа. Я тебе не Даори Энриати.

— А это кто?

В комнате резко посветлело: Дьяр втянул крылья и повернулся. Я взвизгнула, швырнула в

него покрывало вместе с заклинанием «мушиный рой», а пока он с ними боролся и развеивал кисею мушек, успела натянуть домашнюю тунику.

— Даори Энриати — адепт четвертого курса Академии, ты его знаешь как посланника Тринадцатого клана, — спокойно пояснило высочество. — Кстати, что за удивительное заклинание, за которое Неупокоенные предложили такую сказочную цену, как Долг клана?

— Ах да, было такое, — вспомнила я блондинистого верзилу-вампира. — Заклинание... я теперь и сама не помню. Оно на экзамене получилось экспромтом и сразу вылетело из головы. Стала бы я от таких даров отказываться, как тысяча нетленных должников!

— Две тысячи триста сорок три, — уточнил принц. — И хорошо, что отказалась от сделки. Мой отец очень не любит, когда его подданные раздают такие неосторожные клятвы целыми кланами. Да еще и особе, не имеющей отношения к демонам.

— Имеющей! Мой дед — стопроцентный высший демон! Был.

— Да ну? — Дьяр уселся на единственный стул. Мог бы и даме предложить. Мне пришлось пристраиваться на уголок кровати. — Когда это у высших демонов рождались блондинки?

— Да тот же Даори Энриати — блондин, хоть и умерший и обращенный.

— При жизни он был светлым магом. Шпионил на территории Тархареша под прикрытием личины, за что и поплатился. Мы казнили его.

— Так и говори, что скормили вампирам. А могли бы и обменять его на своего шпиона. Неужели светлым никто из демонов не попадался?

— Обмен — чрезвычайная редкость. Попавшийся демон всегда так или иначе искупает свой провал. А Неупокоенным тоже надо и кушать, и поддерживать популяцию... своеобразным почкованием, — брезгливо поморщился будущий владыка.

Да-а, не любят демоны недемонов, да они вообще никого не любят и любить не способны.

— Но я собирался говорить не о Тринадцатых, а о тебе, — вспомнил он.

— Лучше о вампирах. Мне вот давно интересно, а как...

— Лика, номер-р-р не пр-р-ройдет! — встопорщилось высочество. — Чтобы тебе было проще и... правдивее со мной говорить, я тебе кое-что поясню. Видишь ли, клятвы, которые дают Тьме владыка и его прямые потомки, имеют свойство исполняться стопроцентно.

Вот это поворот, помрачнела я. Спасибо, предупредил. Это что же получается, если темная принцесса поклялась, то она своего добьется? Ха! Когда я стану старшей жрицей, даже клятвы Темного Трона меня не достанут.

Тактика выжидательного молчания и тут себя оправдала.

— Я знаю о клятве Зарги, — продолжил Дьяр, — потому что ее знает Тьма, а я все-таки наследник, и дело касается чести Темного Трона. Рано или поздно сестрица нашла бы тебя, и было бы все по ее слову и не так безобидно. Теперь я сделал так, что ее клятва формально выполнена — не придраться. Никому еще не удавалось перейти Зарге дорогу и остаться в живых.

— Не вся выполнена. Зарга еще поклялась, что я поцелую ее плетью.

— Это совсем несложно организовать. Ты лучше меня поцелуй.

— Не вижу, чем лучше.

— Да хотя бы в награду за твое спасение, Лика, ты расскажешь, что именно случилось десять лет назад.

Да я и не надеялась, что получится все скрыть. Вот только, по нашим с богиней планам,

не Дьяр должен был узнать всю приукрашенную и подправленную правду, а его отец. И унесло же куда-то владыку из столицы, да еще так надолго!

— Мне было почти семь лет, когда я попала Зарге в плен...

— В плен берут врагов, а не подданных Тархареша, — заметил Дьяр.

— А я тогда еще не была вашей подданной. Я сбежала из дома и пробиралась на родину моей матери, к деду. Думала, он еще жив...

Ни слова неправды я ему не сказала. Просто умолчала, что бежала из храма перед посвящением в жрицы богини Лойт. Семь лет мне исполнилось уже в плену. Мой самый чудовищный день рождения...

* * *

Тогда мне почти удалось бегство. Почти.

Угроздило же меня пересечь границу Тархареша как раз в тот момент, когда Зарга охотилась на оборотней. Демоны люто их ненавидят, за разумных не считают. И сгребла она меня вместе с выводком волколаков, приняв поначалу за одного из детенышей.

Зарга меня в походной палатке на цепь посадила. В качестве комнатной зверушки. Коврика под ноги. И поначалу пыталась кормить меня тем мясом, что после ее развлечений оставалось от оборотней, а поить их кровью. Я трое суток рвотой захлебывалась. Пока мне руки за спиной не связали, сама себе вены грызла, чтобы сдохнуть побыстрее.

А потом принцесса-чудовище, стоявшая лагерем в опасной близости от границы с Серыми Холмами, откуда-то приволокла двух сельо, девушку и парня. Девушка не то что жрицей не была, она и нашей магией слабо владела. Простая совсем селянка, выбравшая путь земли. Не всем из нас воительницами быть.

Вот тогда я впервые за дни плена и подала голос:

— Убей ее первой, Зарга.

— О, зверушка заговорила! — удивилась демоница. — Почему ее первой?

— Потому что я приказываю.

Мне казалось, гонор и наглость — болезненный, но быстрый способ покончить с пленом. Лучше, чем страшный грех самоубийства.

Ее стражницы попытались меня уму-разуму научить, как к принцессе вежливо обращаться надо. Я тогда все молочные зубы потеряла, какие еще не успели выпасть. Долго потом у меня зубы росли. И криво. Пришлось заклинаниями править.

А Зарга, отхохотавшись, заставляла меня, раз мне так хочется убить сельо, тупым ржавым ножом горло той селянке резать. И нож мне сама дала, дура. Я с этим ножом на нее и полезла. Меня убили бы легко и быстро, чего я и добивалась, не заговори та девушка:

— Моя соплеменница права. Меня убить надо прежде моего мужа, потому что иначе я в хиссу обращусь.

— Твоя соплеменница? — Зарга перестала меня пинать и стражниц своих остановила. — Так этот щенок — сельо, а не оборотень? Это хорошо.

Лучше бы демоница обратила внимание на слова о хиссе. С такой тварью, как перерожденная сельо, даже демонице не справиться. Но Зарга пропустила угрозу мимо рогов. Приказала увести меня, вымыть и подлечить. И после снова доставить к ней. Она ненавидела сельо еще яростней, чем даже оборотней.

Пока стражницы топили меня, точнее, с удовольствием прополоскали пленницу в реке вместе с цепью, то и дело забывая доставать из-под воды, Зарга развлекалась с пленниками. Откуда я знала? Я же сельо. Чувствовала своих. И еще кричали они очень громко. Парень умолк первым. А потом раздались жуткий вой хиссы и треск рвущейся ткани палатки.

Именно тогда я поклялась той, от служения которой бежала, — богине Лойт. Поклялась великой клятвой — положить на ее алтарь свою душу, если богиня поможет мне бежать из плена и отомстить кошмарной принцессе за нас, сельо, и даже за растерзанных оборотней. По иронии судьбы, как раз в тот день было мое семилетие.

До сих пор не знаю, как Зарге удалось совладать с новосотворенной хиссой, когда жажда твари особенно сильна, а энергия всеразрушительна. В тот момент, когда палатка взметнулась в воздух с легкостью воздушного змея, я все-таки захлебнулась в реке, и сознание померкло. Тоже милостью богини. Под водой я могла обойтись без воздуха, благодаря несложному заклинанию. На час еще хватило бы сил его поддерживать. Но Лойт приняла мою клятву и поцеловала, разрушая мои неумелые заклинания и даруя новые.

Разумеется, ни слова о богине я не сказала Дьяру.

Как спаслась? Нашла нож, не замеченный стражницами в лужах крови (богиня подсветила мне его лунным блеском). Не до меня уже было демоницам. Так они были потрясены, когда заглянули в яму, образовавшуюся на месте боя Зарги и хиссы. Мощная, как дракон, тварь лежала с переломанным позвоночником, а принцесса в боевой ипостаси, с мутными от бешенства и крови глазами, продолжала ее ломать.

Потом ненасытная Зарга отпраздновала победу в новой палатке, заставляя меня ей прислуживать. Я, гордячка, не хотела. Она когтями мою кожу со спины спускала живописными полосками. Издеваясь, подпалила факелом мою светлую, еще тощую косичку — красу и гордость лунных дев. Я только расхохоталась. Сельо единственный раз стригут волосы: когда кладут на алтарь богини, жертвуя ей свою врожденную силу и принимая ее божественную лунную магию. Так завершилось мое посвящение, о котором знали только я и сама Лойт.

Я была еще слишком мала, чтобы как следует порадовать изощренную в пытках звериную душу Зарги, и она ночью уморила еще одного пленного оборотня. Запытала в постели. Стражницы по ее приказу заставляли меня смотреть на этот ужас. Хоть я и отворачивалась, и глаза закатывала, но увидела достаточно отвратительного. Боги, как же я их всех ненавидела! До сих пор трясет.

Бежала я с помощью богини, навевшей чары на принцессу и ее свиту. Повезло: ночь была безоблачной, и луна светила в полную силу. Я сломала ножом запор и выскользнула из своей клетки, так же освободила последнего оставшегося в живых волколака. Он меня и вывез к нашим в Серые Холмы.

И конечно, я не стала рассказывать Дьяру, как я напоследок поиздевалась над его сестрой. Наверняка он давно уже наслышан о том случае. А теперь понял, кто за одну ночь вырастил на его сестрице и ее свите многометровые волосы во всех местах и связал их друг с другом в самых неприличных позах. Я придала и без того жестким волосам демониц крепость и тяжесть железных цепей. У них один выход оставался — побриться налысо. Топором. А на голую Заргу еще и натуральную свинью сверху положила. Оборотень помог мне доволочь усыпленного мной хряка из ближайшего селения.

Детская месть, да. Но я и была тогда ребенком. Оборотень, помнится, предлагал попросту перегрызть горло всем демоницам. Жаль, богиня запретила. До сих пор жаль. Я

тогда еще не усвоила главное правило воина: не оставляй врага в живых, если не можешь использовать его жизнь во благо.

Глава 6

Легенда номер один

За время моего рассказа Дьяр незаметно переместился и теперь сидел напротив, держал мои ладони и успокаивающе поглаживал. Я с головой ушла в воспоминания, не сразу заметила. Очнулась, когда он добычу поднес к губам и поцеловал кончики пальцев.

— Она тебя больше не тронет, Лика. Никогда! — Синие глаза сверкнули еле сдерживаемым гневом. — Я позабочусь.

Я вырвала ладони и отвернулась, процедив:

— Я сама об этом позабочусь. И ты тоже меня не трогай, отойди подальше. Вы с ней одинаковые.

— Не одинаковые. Совсем.

— Тебе напомнить о том, как появилась на моем теле уродливая печать? Чем ты лучше своей сестры? Оба наслаждаетесь чужой болью и унижением. Оставь меня в покое.

Он хотел возразить, но тяжело вздохнул и поднялся.

— Хорошо, я оставляю. Ненадолго. И скоро вернусь. А чтобы ты не сбежала... — он прошел к двери, распахнул и крикнул в пустоту темного зала: — Госпожа Кикерис!

Не успела я подумать, к кому обращение, как мигом явилась старая кастелянша, словно тут же, под дверь, и караулила. Глянула на меня бесцветными глазками, на принца.

— Чего надоть?

— Не будете ли вы столь любезны...

— Ой, да не разводи ты политесов, Дьярушка. Вижу уже: девку никуда не пущать, травками отпоить. Зелье-то любовное эта волосатая мерзость, Шу проклятушая, еще не все вылакала, не успела, так могу и его притащить, коли надо.

— Не надо! — на удивление единодушно высказались мы с принцем.

А тот еще присовокупил какое-то непонятное мне шипение, которое ведьма вполне поняла и часто-часто закивала нечесаной седой головой.

Но, несмотря на кивки, заявила вдруг:

— А я говорю — надо! Обоим! Дураки потому что! Оба! Всех вас насквозь вижу. Ты так с колыбели ушибленный, и наследственность у тебя дурная, уж я-то знаю, еще деда твоего в люльке качала. А вот она, — старуха ткнула узловатым коричневым пальцем, — так и вовсе сбрендила, в старых девах до смерти ходить решила, дурища. Даже не думай, что тебе это удастся. И на мать твою, тоже бестолочь еще ту, управу найду, доберусь. Ишь, красу такую в монастырь упечь решила!

— Как интересно! — прищурился на меня принц.

— А ты иди давай, куда шел, нечего тут без толку ошиваться, когда дел государственных полно! — напустилась на него бесстрашная бабка.

Дьяр совсем не разозлился, ласково улыбнулся старухе, завернулся в крылья и был таков. А я осталась ведьме на растерзание.

— Ну-с, краса ненаглядная, приступим! — потеряла она сморщенные ладошки и засучила рукава.

Я вжалась в стенку.

— К чему?

— К лечению, деточка. Мозги тебе вправлять будем, за ребра потом примемся. А то

сокол-то наш ясный сейчас быстрехонько вернется. Да и остальные вот-вот заявятся, чую. Пока-то я девок твоих прогнала вон. Не выдержали они моих птичек заклётых, к мальчикам спастись снова побежали. Вот и воспользуемся паузой. Слышь, как тихо?

Действительно. Никто не каркает истошно на крыше, не стучит клювом на балконе, не подвывает в залах, завернувшись в простыню и изображая привидение. Благодать.

Бабка, сдвинув валявшиеся учебники, уселась на стол, нога на ногу, вытащила из кармана передника клубок со спицами, точно такими же, как у моей старой няни Раганы, и зачем-то обнюхала кончик холодного и острого оружия. Наверняка ядом смазан.

— Ну-с, жрица недоделанная, признавайся чистосердечно, что тебе богиня Лойт велела тут сделать, зачем тебя сюда заслала? — прищурилась ведьма.

Я скрестила руки на груди. И под пытками не скажу. Мне не жалко, но с какой стати первой встречной ведьме докладывать?

— А с чего вы взяли...

— Не юли, юла, уж больно юна, юлить не переюлить! — строго глянула Кикируся, постучав по столу спицей, как указкой. Ткнула в мою сторону. — Видишь, на чем сидишь?

— На койке.

— На простыне! — уточнила кастелянша. — А на ней что стоит?

— Не что, а кто. И не стоит, а сидит. Я.

— Штмп на ней стоит, блондинка урожденная! А штампы кто ставит? Я! А я кто?

— Ведьма! — обиделась я за блондинку.

— Правильно, — ехидненько ухмыльнулась старая карга. — Так вот, милая, по секрету скажу, а секрет тот камнем на язык ляжет, придавит и не выпорхнет... — пробормотала она заклятие так быстро, что я не успела сплести отвращающее. Кикируся довольно фыркнула, заметив мои потуги. — Молода еще со мной тягаться, но попытка похвальная. А секрет таков, девонька. Штампики-то эти заговоренные. Я через них не токмо обо всех знаю, кто на простынки ляжет, но и сны их ведаю, и мысли. А уж твои, краса наша лунная, лучик засланный, и подавно.

Я струхнула на долю мига, сердце екнуло, руки дрогнули, но тут, слава Лойт, поняла, что древняя мегера попросту блефует. Улыбнулась спокойно:

— Так зачем тогда спрашивать, госпожа Кикерис? Если уж и мысли мои читаете, то уже все-все обо мне знаете.

Ведьма поскребла кончиком спицы крючковатый нос, вздохнула:

— Вот молодежь пошла сообразительная, на испуг не ведется. Ну, ладно уж. Мыслей не читаю, хотя сны подчас и могу видеть. А в твоих, милая, и мать твоя являлась, и богиня, и Зарга, змеюка наша подколотная, тебя в кошмарах мучает.

— Не надо, пожалуйста, — дрогнула я.

— Надо, милая. Тут выговориться надо и забыть. Но ты ведь не мстить сюда пришла, Аэлика, отомстила ты уже гадюке-то нашей, видать, хорошенько, ежели она до сих пор ядом исходит. Ты по душу мальчика моего послана, так ведь? А он мне дороже родного внука-правнука. Дьярушку я твоей богине не отдам никогда.

Я качнула головой:

— Нет. Спицей в небо.

— Ась?

— Не угадали, говорю. Не нужен он богине.

— Вот и я думаю: кабы убить приказано, так уж ты попыталась бы. А если за сердцем

его пришла, так тоже кочевряжиться нечего. Да и на кой тогда тебе в Академию-то переться? Затесалась бы среди невест, аккурат в те дни был ежегодный парад девиц. И опять впустую, — пригорюнилась она.

— Я послана учиться темной магии.

— Будет врать-то! Зачем она тебе? Нешто своей мало? Ты, вон, даже крылья зашила, сердечная. И чтоб такие жертвы, да ради учебы? Не верю!

— Так это вы наговорили про меня принцу?

— Ничего я ему не говорила, а он и не спрашивал, — обиженно проворчала бабка. — Все хочет своим умом жить. Сам он догадался о сельо, не дурак, чай. Да тут немудрено догадаться. Ты так на рожон и лезла, себя показать. Кого только прикрываешь, мне пока непонятно. Если еще одну жрицу Лойт, так нет их тут больше. Зулия... ох, и странная она девка, даже сны беспросветны, словно и нет их. Да не с тобой она. И ты подальше от нее держись, мой тебе совет. Подружка твоя Миранда прозрачна, как стеклышко, и так же пуста. А мужчин вы, девы, не посвящаете в свои тайны. Путано все с тобой так, что я чуть отраву тебе не подсыпала, лишь бы беду отвести от Дьярушки.

— И что остановило?

— Твои сны. Нет в них зла. Так откройся мне, Аэлика, не мучь старуху. Может, и пригожусь тебе так, что спасибо скажешь, и вредить брошу.

— Это с птичками?

— И с ними тоже, — потупилась старая вредина, смущенно ковыряя спицей столешницу. — А вот послушай-ка...

И она рассказала, как хитроумный принц Дьяр пришел к ней с просьбой помочь выжить из Академии трех девчонок, которым тут не место. И предложил особо изощренные способы.

Скучавшая в башне ведьма вдохновилась. А результат вдохновения этой парочки — и новые приказы ректора об ужесточении дисциплины, и извлеченная из закров Шу, подаренная через третьи руки Иреку, и опаивание зверька любовным зельем, чтобы с меня не слезало и яды пожрало, и пущенный слух о сбежавшем парике богини любви — якобы, прикосновение к Шу приносит не только исцеление от похмелья, но и удачу в любовных делах и выигрыш в картах одновременно.

Вся идея с нашим переселением в башню — дело пакостливых лап ведьмы и принца. А уж на своей территории Кикируся совсем оторвалась, доводя нас до дикой головной боли, чтобы мы не способны были учиться вообще и всячески это демонстрировали магистрам.

«Убью кого-нибудь!» — скрипела я зубами, слушая ее откровения. Вот только этот синеглазый пройдоха появится... Где он кстати?

— Вот, все как на духу, — поклялась Кикируся. — Ты только Дьярушке не говори, что я чистосердечно покаялась, а то он обидится.

А глаз-то как хитро блестит! У-у-у-у, заразы! Но лучше этой осведомленной и пронырливой бабки мне никого не найти для своих целей.

«Богиня, что скажешь?» — вежливо поинтересовалась я у высшей инстанции. Лойт хихикнула. Они боги, им можно. Развлекаются за наш счет.

Так как прямого ответа, как всегда, не последовало, пришлось самой скрипеть мозгами, в которые словно палки кто вставлял (или спицу?) — так медленно ворочались мысли.

Предположим, бабка не враг принцу, и он ей доверяет, раз совместные махинации они тут с размахом проворачивают. И за любимца она горой — вон как в меня вцепилась. Принц

специально ее натравил, чтобы все вынюхала, что я ему не рассказала.

Довольнехонькая Кикируся уставилась на меня в ожидании ответной откровенности. Ну темные все они тут! Нагадят, признаются, если станет выгодно, а мы будь благодарны!

— Вы ведь не оставите меня в покое, если не признаюсь, да? — спросила я. Старуха радостно закивала. — Я скажу, зачем меня отправили в Академию Тьмы учиться. Потому что богине стало известно: именно здесь маскируется под темного адепта светлый маг, и мне надо его найти и наказать именем богини, потому что задуманное им преступление оскорбляет ее. Как вы понимаете, заявить об этом Темному Трону мы не могли, потому приходится действовать тайно.

Бесцветные глазки Кикируси вдруг сверкнули, как стеклышки.

— Ах ты ж! Вот врать-то! — гневно засопела она, уткнув в бока кулачки, но не выпустив вязальный инструмент. — Да какое дело Лойт до белого волка среди черных, даже если и затесался кто? Что она суется всюду, эта изменщица извечная?! Всем пакостит — и белым, и черным! Правду говори! — и ведьма со всей силы воткнула спицу в клубок.

Я успела заметить, как густая тень в углу дернулась, на миг обрисовалось крыло с встопорщенными перьями. Но мне было уже не до странностей.

Сердце пронзила острая боль. Вот и пытки начались.

Я с трудом отвела магический удар. Села, сцепила руки в кольцо на коленях. Слабенькая, но защита. Второй удар не будет неожиданностью.

— Правду так правду, — вздохнула. — Ты же знаешь, что богиня Лойт — защитница невинных дев, но Темный Трон не дает ей выполнять предназначение в Тархареше. Мольбы оскорбленных девушек богиня слышит, но не может прийти им на помощь, и это ее мучает. Насильники остаются безнаказанными.

— И что? Это Темная страна, деточка, — пожала плечами старуха. — Тут либо сама себя защищай, либо мсти так за малейшее, чтобы и мысли не возникло о большем. Слабым тут не место, и рассчитывать на чужую помощь, да еще твоей лживой богини, будет только полная дура, а таких не жалко. Академия тут при чем и наш принц? Или богиня посчитала его насильником и решила наказать?

Тут я не удержалась, но старалась не коситься на тень в углу:

— Знала бы ты, сколько слышит богиня девичьих проклятий и просьб о мести вашему принцу за разбитое сердце, не удивлялась бы! Но насильником его, пожалуй, не назвать. Бессердечная скотина, бесчестный соблазнитель, беспринципный сердцеед. А таких Лойт не часто наказывает, увы.

— А чего ей таких наказывать, коли у самой Лойт рыльце в пушку? Вот я и говорю: твоя богиня — стерва и чудище, похлеще темного властелина. Не зря белые ее тоже проклинали и изгнали отовсюду. А ты ее жрицей мечтаешь стать!

Я не стала сообщать, что уже жрица. Младшая. А выполню задание и доучусь, стану старшей.

— Мне дана задача найти мага-убийцу, чьи преступления настолько чудовищны, что богиню теперь не остановит и сам владыка Тьмы. Преступник должен быть пойман и наказан. Мы знаем немного, но ясно, что он либо адепт старших курсов Академии, либо магистр.

Кикируся задумалась, вытащила воткнутую спицу из клубка.

— А ведь ты не врешь на сей раз. Убийств среди демонов много, но год назад начались особые. Кто-то вырезает сердца у жертв. Тоже не шибко удивительно среди наших монстров,

кое-кто только ими и питается. Но видано ли дело, чтобы темные темных жертвовали, да еще непонятно кому и с какой целью? Обычно своих не трогали, за соседями охотились.

— Убийца и начал со светлых кланов, — сказала я. — Взял от каждого по жертве.

— Двенадцать, значит, да наших уже десяток, — мрачно заметила ведьма. Неужели в ней женская солидарность заговорила?

— Он пытался захватить и наших девушек, но мы умеем умирать быстро, и так, чтобы и трупа не осталось. Ему нужна лунная дева. Или хотя бы полукровка, не обладающая всей силой сельо. С такой ему легче справиться. Вот я и пришла.

— Наживка, значит? С такой-то родословной? Твоя богиня совсем свихнулась, такими ценными жертвами разбрасываться.

— Я сама вызвалась, у меня больше шансов уцелеть. А если я вся такая ценная, могли бы меня тут и накормить, и напоить, и спать уложить, а не пытки с допросами устраивать.

Тень, таившаяся в углу, не выдержала. Сгустившись в клубок мрака, раскрыла сложенные в кокон крылья, и явила нам злого и растрепанного синеглазого демона.

Похоже, наш пострел везде поспел: и подслушать допрос, и с сестричкой подраться, судя по свежей ссадине на многострадальной щеке.

— Идем, — процедил он. — И накормлю, и спать уложу.

— Никуда не пойду! Сколько можно меня туда-сюда таскать, я тебе не саквояж.

— С биркой, — хихикнула Кикируся, выразительно уставившись на мой живот, прикрытый туникой. — Оставь девицу тут, дитяtko. А покушать я что-нибудь найду, поскребу по сусекам.

— Не надо! — испугалась я. Ведьма такого наскребет — век потом не отскребешься. — Потерплю до утра. У девчонок посмотрю сухарики. У Шурша, в конце концов, он у нас вечно баночки с джемом таскал. Кстати, как он там?

— Да что с ним делается? — отмахнулась старуха. — Дьяр его простынками краденными спеленал в яйцо, а я корми! Ой, вот у драконьша-то бульончик в мисочке еще остался. Из лягушечек с пиявочками. Щас принесу, подогрею только. Или холодненьким поешь?

И какое из этих двух зол — ведьмы и демона — худшее?

Принц, оценив степень зеленоватости моего лица, ухмыльнулся:

— А я предлагал кое-что получше. Не захотела. Неси бульончик, няня. Будем кормить болезную, — он уселся, поставив стул так, чтобы перегородить мне путь к выходу. Едва довольнехонькая бабка прошмыгнула за дверь, улыбка с его лица слетела. — А теперь я хотел бы услышать не нечто, похожее на правду, Лика, а саму правду.

И тут я со всей ясностью поняла, что это не принц. Его лицо, даже след от моих когтей подделан, не отличить с первого взгляда. Но при желании можно найти даже яд сельо и втереть в царапины.

И самое главное — это не тот, кого я целовала. Это я знала точно. Богиня, спасибо за помощь! Получается, что теперь я смогу узнать того, кому дарила неостывающий поцелуй сельо? А дарила я всего двоим — принцу при моем первом поцелуе в Академии и Иреку на студенческой вечеринке, когда захмелела. Ну, если правильно помню, потому что память о том празднестве отшибло напрочь. Кажется, еще островитянину. И бывшему однокурснику Ирека. И какому-то постороннему магу... у-у-у, Лойт, клянусь, такого больше не повторится!

И что теперь делать? Дать понять, что не обманута «серой тенью», или подыграть? И не потому ли бабка намекнула, что не отпустит меня никуда с копией принца? «Оставь девицу

тут». И по имени его в этот раз не называла!

— Правду, Лика, — напомнил лжепринц.

— Почему вы решили, что я вру, ваше высочество? Я правду сказала.

— Может быть, что-то тут и было от правды. Но не вся. Я хочу услышать всю. И лучше уж пусть услышу я, чем мой отец. Не так ли?

Я сделала вид, что задумалась.

Кикируся обернулась быстро, грохнула на стол поднос с горшочками, от которых умопомрачительно пахло. У меня потекли слюнки, но я мужественно отвела жадный взгляд.

— А почему бы и нет? — улыбнулась лжепринцу. — Владыке я расскажу все и без пыток, так и передай. И, пожалуй, я принимаю приглашение отужинать у вас, ваше высочество.

Ведьма аж вздыбилась:

— Никуда не пойдешь! Ешь, что дают. Кухня ей моя не нравится, вишь ли! А ты ступай отседова, у нас тут парням не положено, — вспомнила ведьма, метнув грозный взгляд на нарушителя. — Совсем девочку замучили, никакого покою!

Копия Дьяра, потерпев полный разгром и поражение, отступила в тень и исчезла. А вот принцу тень искать без надобности, не преминула я отметить.

Перед тем, как выпасть в сон, я даже поела вкуснящих пиявок, или что там было в горшочках. Совершенно сказочное яство оказалось.

Почему Дьяр не вернулся, как обещал, а послал присмотреть за мной двойника? — тревожно билась мысль. Что у него случилось?

* * *

— Демонская коса! Зачем я ее только отрастила! — ругалась я наутро, пытаюсь наложить иллюзию на волосы. Никто не захотел помочь мне снова их покрасить, даже Миранда. Все порошки, предусмотрительно положенные мамочкой в багаж, оказались испорченными — наверняка ведьма Кикируся постаралась. И как я теперь людям на глаза покажусь?

— Скажешь, что покрасилась в блондинку, — посоветовала Миранда.

— Где это видано, чтобы темная красилась в блондинку?! — вопила я.

— Где ты видишь тут блондинку? — подняла бровь Зулия.

Порошки не просто испортились, они подействовали самым неожиданным образом, и теперь коса напоминала мочалку, скрученную из разноцветных ниток.

— Постригусь! — пригрозила я зеркалу, отражавшему совершеннейшее безобразие — стоявшую дыбом, жизнерадостно радужную шевелюру. На коже тоже не осталось ни следа искусственного коричневого загара — Шу и тут прошла. И даже моим глазам вернулся естественный сине-зеленый цвет. Его еще, непонятно почему, называют «цвет морской волны», хотя у моря никогда не бывает такого цвета.

Едва я потянулась за ножницами, они с ехидным лязгом отбежали из пределов досягаемости, за ними отпрыгнули ножи и кинжалы, а за дверью хихикнула подслушивавшая Кикируся.

— Тут к тебе гость пожаловал, деточка, — сообщила она. — Ваш куратор. Пока за ним Шурш гоняется, но ты бы побыстрей причесывалась, что ли...

— Зулия, одолжи паранджу!

Островитянка убежала копаться в своих доспехах, но тут у меня наконец получилось замкнуть заклинание, и в зеркале появилась самая обычная темная из клана Вечерних теней: медного оттенка кожа, черные волосы с алым закатным отливом. Лишь глаза упорно просвечивали морской волной.

Кикируся сунула голову в дверь, оглядела, щелкнула костлявыми пальцами, и с таким трудом наложенная иллюзия слетела, а из рук вернувшейся Зулии вытекла черным дождем паранджа!

— За что?! — заорала я.

— За то, что головой думать надо! — проворчала бабка. — Куда тебе с топорными иллюзиями против магистров! Вот прежняя личина была хороша, на совесть сделана, еле прошибли. А эта — тьфу! У Грида Сайка «вороний глаз» есть, сквозь слабые иллюзии видеть помогает.

И бабка захлопнула дверь с той стороны.

Я быстренько заплела легкомысленную косу, повязала платок с вышитыми черепами, надела черный комбинезон, жаропрочный и кислотоустойчивый, и, нацепив модные темные очки с рожками на дужках, поплелась в общий зал с камином в сопровождении сгибающихся от хохота друзей. Им смешно, а меня сейчас, чую, снова пытаться будут.

Куратор, запыхавшийся и раскрасневшийся от беготни с моим игривым драконом смерти, ввалился в зал, поправляя изодранную и пожеванную мантию.

— Девочки, позовите Лику Тария. А это что еще за пугало? Посторонним на территории Академии не положено!

— Она и есть наша прелестница Лика, — подсказала Кикируся.

«Сам ты пугало! Темные — очень вежливые создания, и магистры-кураторы — не исключение», — напомнила я себе, снимая очки. Тут ведь какое дело... Можно сколько угодно менять цвет глаз и форму зрачков, но при этом особый рисунок радужки всегда останется индивидуальным, хотя и искаженным, когда меняешь зрачок с круглого на продолговатый. Магические замки и пропускные системы, как на входе в главные корпуса Академии, на этой особенности и построены. Считается, что подделать рисунок невозможно.

Куратор вытащил магический сканер (странно, что маг таскает этот небольшой, но тяжеленный амулет с собой на территории Академии, где каждый коридор нашпигован амулетами защиты и слежения), идентифицировал мою личность — амулет засветился синенькими огоньками, означавшими у темных подтверждение или разрешение.

— Действительно, Лика Тария, — задумчиво молвил Грид Сайк. — И что же с тобой стряслось?

— Это все Шу! — свалила я на потерявшуюся экзотическую зверушку.

Объяснение было принято, и куратор приступил к допросу об обстоятельствах ночной драки под стенами Академии: «шмонари» утверждали, что это я их покалечила.

Разумеется, я ушла в глухую несознанку.

Тогда Сайк заинтересовался моим бронелифчиком, видневшимся в вырезе комбинезона — застегнуть одежду оказалось невозможно на таком-то богатстве. Повязку я списала на неудачное падение с дракона.

— То Шу, то Шурш... — прищурился куратор. — Кстати, о драконах смерти... Мы получили ответ из клана Вечерних теней. Станные выяснились факты о твоей семье, Лика

Тария. Покажи-ка мне спину.

Покраснев, я расстегнула комбинезон до пояса, продемонстрировала чистенькие лопатки, стойко перенесла и прикосновение на удивление ледяных пальцев розовощекого куратора, и покалывающее исследование амулетом. Плохи были бы мы с матушкой, если бы не предусмотрели проверку.

— Сельо-полукровка, — поморщился Сайк, закончив осмотр.

— Демоница-полукровка, — поправила я, весьма преувеличив доставшуюся мне в наследство осьмушку темной крови.

— Почему скрыла свою родословную при поступлении?

— Я и не скрывала. Весь клан Вечерних теней — мои родственники, — так как куратор презрительно молчал, я покаянно потупилась. — Меня бы не допустили до вступительных испытаний, а я очень хочу учиться. Я же не виновата, что мне так не повезло с родителями!

— Ты виновата в сокрытии фактов. Мы с ректором и коллегами уже все обсудили, и ты была бы отчислена, но вмешался его высочество... — куратор поморщился, словно принц Тьмы лично вбивал в его глотку лимон. — В общем, решили оставить вопрос о твоём здесь пребывании на усмотрение владыки. До его приезда из башни ни ногой. Считаю, что ты под арестом.

— Что? — выдохнула потрясенная я. — На каком основании?

— Или на лечении, — покосился он на вырез моего комбинезона. — Пока приказа об отчислении нет, я буду лично следить за тем, чтобы ты не отстала в учебе.

Еще раз алчно сверкнув глазами на треугольник моего выреза, куратор захлопнул дверь с той стороны. А ведь в день знакомства он мне показался таким необыкновенным, добрым (демон, ага) и даже красивым. Как обманчиво первое впечатление!

Глава 7

Ночная прогулка

Моего терпения сидеть в башне безвылазно под бдительным присмотром Кикируси хватило аж на трое суток.

Подруги рассказывали новости: первокурсников-«шмонарей» отчислили из Академии за нарушение внутреннего распорядка и отправили обратно в клан на излечение. Доказать мое участие в драке так и не смогли.

Ирек, застигнутый в постели с какой-то девицей, удержался в числе адептов только благодаря заступничеству принца, но их отношения из-за этого только ухудшились, и они теперь грызутся по каждому поводу. Вся Академия наблюдает и заключает пари, когда же дойдет дело до кровавой дуэли. У демонов иных дуэлей и не бывает.

Чтобы я не отстала от группы, лекции для меня писали всем курсом, причем не иллюзорные копии, а вполне материальные, будет что предъявить лекторам. Я вот вообще не понимаю этого садизма — скрести по бумаге вечным карандашом, как двести лет назад. Они бы еще гусиным пером писали! У нас в храмовой школе давно уже на запоминающие кристаллы перешли.

А по практике подтягивал куратор, являвшийся каждый вечер.

Мы с девчонками уже выяснили, откуда в Темном царстве взялся русоголовый былинный богатырь: он оказался тоже полукровкой, сыном темной матери и светлого отца. А подумать только, с какой брезгливостью говорил о смешанной крови!

Почему-то Шурш терпеть не мог Сайка и бесновался при его визитах на пару с грифоном. На почве неприязни к нашему куратору эти крылатые твари и примирились с существованием друг друга настолько, что дуэтом были на балконе, пока магистр объяснял мне пропущенный материал, прихлебывая чаек вприкуску с выпечкой и вареньями Кикируси. Ведьма таяла и млела от его комплиментов. Звери отрывались на полную. Я страдала.

Горгульи все это время сидели на крыше смирно и переругивались шепотом. Продиравшим до костей. Лучше бы орали.

После ухода куратора отдохнувшие горгульи завопили с новой силой. Я собрала учебники, с трудом удержавшись, чтобы не выкинуть груду в камин и поджечь. Вовремя вспомнила, что каминная труба перекрыта магистрами, дабы в нее горгульи не гадили и адепты не падали.

Еще сутки, и я тут свихнусь!

Мое возмущение никто не оценил. Миранда и Зулия еще не пришли. Они предпочитали лишний раз не попадаться на глаза куратору и беречь слух — грифон с драконом фальшивили нещадно.

Тоска. Главное — время уходит, а я ничего еще не сделала: ни о преступнике ничего не узнала, ни с владыкой не встретилась, чтобы навязаться в телохранительницы по нашему с богиней плану.

Убийце осталось принести три темные жертвы и сельо. Только потом он возьмется за главное. Но мы не должны допустить новых жертв.

Скорей бы вернулся этот демонский владыка! Где его носит?

Мы с мамулей, конечно, учли, что разборки со мной в Академии будут, но кто ж знал, что самого главного темного унесет как раз в это время, и так надолго?! Насколько было бы

все проще. Если, конечно, его великотемнейшество Сатарф не убьет меня без всяких разговоров, а хотя бы выслушает для начала и поверит в версию, которую я выдала Кикирусе и подслушивавшей «тени». Потому что нашей основной версии никто не поверит.

С этими мыслями я, придерживая стопку книг подбородком, ногой открыла дверь в свою комнату. И книги выпали: за столом, покачиваясь на стуле, сидел Ирек.

— Привет! — улыбнулся он и так рьяно бросился подбирать рассыпанные учебники, что мы столкнулись лбами.

— У-уй! — вскрикнула я.

— Всш-ш-ш... — зашипел Ирек, потирая лоб. — Ну почему у меня с тобой все так фатально, Лика?

За последнюю книгу мы взялись одновременно.

— Отдай, моя.

— Дай мне, положу.

Он рванул учебник к себе, я вцепилась, не удержалась на корточках и оказалась в объятиях Ирека вместе с книгой. Негодяй сразу воспользовался, впился в мои губы, придерживая за плечи и затылок, чтобы добыча не вырвалась. Этим демонам лишь бы покусать кого-нибудь! Так как предмет спора был благополучно им забыт, книжкой и огрела наглеца. Он схватился за макушку.

— Ну ты, хорош драться! — простонал.

— Ты что лезешь ко мне, Ирек?

— Соскучился. Давно не видел.

— Ну и скучай... на расстоянии! Ты как сюда попал?

Он молча показал на приоткрытое окно.

— Там же магическая решетка! — не поверила я.

— А у меня есть отмычка, — парень вытащил из-за пазухи и продемонстрировал мне кулон в форме трилистника. — Давно уже сделал, иначе в этой казарме сдохнуть можно.

— Дай мне! — тут же протянула я жадные ручонки.

Он хитро сощурился:

— Я подумаю. Знаешь, каких мне сил стоило раздобыть копию с охранного ключа?

— Думай быстрее, а то нас снова засекут!

Я прислушалась: снизу доносился чудесный грохот и вопли:

— Ах ты, яйцо пупырчатое, а ну, кыш на место! Господин Сайк, идите, пока я его держу! — это Кикируся пыталась командовать моим драконом, решившим проводить куратора.

Ха-ха, так он ее и послушает. Но Сайка лучше бы здесь уже не было. «Шурш, выпусти! А с Кикирусей можешь и поиграть в салочки», — приказала я.

Ирек, делая вид, что думает над моим предложением, загадочно возвел черные очи к потолку.

— Ну-у-у, даже не знаю, — протянул он, одновременно сгребая меня в охапку.

— Эй! — возмутилась я.

— Ой! — болезненный вздох Ирека — это моя твердокаменная из-за гипсово-магической повязки грудь ткнулась ему в ребро. Теперь не только у меня ребра болеть будут. Нахал тут же ощупал мой бронелифчик. — Ты что, превращаешься в горгулью?

— Я тут скоро с тоски озверею и в дракона смерти превращусь! — пообещала.

— Да, с этим надо что-то делать. Пойдем, пока действительно не засекли.

Он потянул меня к окну, тихонько свистнул, и в приоткрытую створку просунулась огромная куриная лапа, пошарила, отодвигая шпингалет второй створки, потом появилась львиная голова на змеиной шее и с клювом вместо пасти, и затем — весь урод. То есть сторожевой грифон. На второй окольцованной лапе у него болтался кусок цепи.

— Кар-р-рета подана, — сообщил птиц.

Оказывается, он не только каркать умеет.

— Тише ты, пернатый! — погрозил Ирек.

«Шурш! Задержи пока Сайка! Выпустишь через минуту», — спохватилась я. А то ведь куратор точно заметит наше бегство.

* * *

Грифон еле справился с двойной ношей — дотянул только до крепостной стены, отделявшей корпуса Академии от города, и сверзился на полянке в парке. Ирек еще с ним повозился из благодарности, что-то там пошептал, погладил. Птиц немедленно разомлел и заурчал по-кошачьи. Ирек дернул его за облезлый хвост. Грифон возмутился, но поднялся, побряхтывая, и улетел обратно.

— А сейчас мы куда? — проводила я его тоскующим взглядом. Все-таки как тяжело без крыльев! Даже грифону завидовать начала.

— В кабак! — торжественно провозгласил второгодник.

— Вот с этим? — я потрясла перед его носом разноцветной косой, уже смутно видимой в сгущавшихся сумерках.

— Зато никто тебя не узнает.

— Зато потом узнают.

— погоди, — Ирек, тащивший куда-то меня за руку, остановился. — Ты хочешь сказать, что это у тебя природный цвет волос?

— Я — урожденная блондинка! — с гордостью.

— Оно и видно, — проворчал он, снова увлекая меня по парковой тропинке.

Сумерки сгустились, вдоль дорожек зажглись синие, багровые, алые и фиолетовые фонарики — любимые цвета демонов. В парке было довольно оживленно — обитатели Академии торопились вернуться в родные пенаты до начала комендантского часа, их провожали толпы демонесс, которым вход в городок был категорически запрещен. Я с жадностью их рассматривала. Интересно же, что у темных сейчас в моде.

Красивые твари. Удивительно белокожие в небоевой ипостаси. Черноокие, чернобровые, черноволосые. Лишь представительницы Вечернего и Закатного кланов — красно — и медноволосые. Даже татуировки и изящные рожки их не портили.

Фигурки у всех точеные, упакованные в мини-юбки, а если встречаются длинные платья, то почти прозрачные, что еще неприличнее. Мой обтягивающий комбинезон по сравнению с их одеяниями смотрится нарядом монашки.

Брюки, кстати, демонессы почти не носят, предпочитают мини, ажурные чулки и каблуки. Разве что стражницы вынуждены щеголять в форме, да драккерши из низших демонов, не имеющие своих крыльев, но приручившие дракков, ближайших родственников драконов.

На каждом шагу мы натывались на целующиеся и обнимающиеся парочки. Моего

спутника узнавали все: останавливали, хлопали по плечу, зубоскалили:

— У тебя новая подружка, Ирек? Яркая девочка!

— Какая пеструшка! — хихикали демонессы за спиной. — Одна заменит все фонарики в парке.

Кто бы говорил. У самих голые бедра под юбчонками сверкают так, что на освещении можно экономить.

Ирек свернул на боковую тропинку, где не виднелось ни одного светильника. Да и зачем они демонам, прекрасно видевшим во тьме? Чисто для красоты, чтобы белые кланы не тыкали аристократическими пальчиками в отсталость и пещерную грубость темных.

Сельо тоже отлично видят в темноте, но на мне были черные очки, и я с трудом различала смутный силуэт Ирека. Он остановился у большого вяза. Я приподняла очки, огляделась: знакомое место, именно тут была драка с «шмонарями».

Мой спутник, что-то шепча под нос, ползал в густой траве под вязом.

— Ну, иди сюда! — донеслось. — Совсем одичала, бедняжка.

Я неуверенно шагнула к нему.

— Вот тварь безмозглая! — выругался он.

Замерла. Это он мне?

— Лапушка, солнышко мохнатенькое, — тут же заворковал Ирек. — Иди же ко мне, бестолочь! Вот дурында, опять убежала! Который день поймать не могу! Шушенька, милая...

Я хихикнула, разглядев, что искомая Шу подкрадывается сзади к стоявшему на карачках парню. Через миг зверек метнулся вперед, но тут с ветки вяза на мою голову сверзилась еще одна груда меха и ослепила.

— Они что, размножаются делением? — спросили мы с Иреком друг друга, когда отодрали атаковавших нас зверушек.

— Зато проблемы с париками и бородами решены! — с облегчением заметил второгодник, примеривая тварюшку поменьше. — Ну как?

— Эффектно! Назовем ее или его Шурка, — я полюбовалась на огненно-рыжую бороду, так шедшую к черному золоту волос Ирека, кокетливо поправила свою увеличившуюся в два раза шевелюру: бронзовая шкурка Шу уже, можно сказать, пустила корни на моей голове. — И в какой кабак мы пойдем?

— В кабаре «Пляски скелета». Но сначала заглянем к моим друзьям, распилим твой панцирь. С нашей регенерацией держать кого-то более суток в гипсе — пахнет пыткой. Любые переломы должны уже зажить. А в «Скелете» строгий дресс-код и фейс-контроль на входе.

— Что-о?

— Из какой глухомани ты явилась покорять Темный мир, селянка?

— Надеюсь, обнажаться в «Скелете» надо будет не до самых костей?

* * *

Темная страна вела преимущественно ночной образ жизни, что естественно.

Ненормальным было расписание дневных занятий в Академии, но такова традиция, унаследованная от золотого века всеобщего единения и дружбы народов, когда существовала Всемирная академия Единой магии.

С тех пор, как мир раскололся на Светлый и Темный, а высшая школа, соответственно на Академии Тьмы и Света, уже лет тысячу каждый год темное студенчество устраивает митинги, демонстрации и шествия с требованием перевести стрелки академических часов со светлого времени на нормальное.

И тысячу лет на эти требования высшие темные маги нагло плюют.

Традиция оказалась весьма удобной для престарелого магистрата. Им-то что.

Во-первых, профессора-магистры днем беззастенчиво дрыхли на лекциях, включив бубнящий лекторский голос отдельно от спящего тела. И попробуй усни под эту колыбельную — следящее око с сигнализацией магистры тоже не забывали включать.

Как только адепт переставал скрипеть пером и укладывал голову на тетрадь, срабатывала визгливая сигнализация. Эта магическая сволочь даже имена нарушителей фиксировала и о шпаргалках ябедничала.

Во-вторых, измученные дневным бдением адепты вынуждены отсыпаться по ночам, когда весь Темный мир только начинал жить.

Газеты цитировали оправдания высокопоставленных болванов, говоривших на ужасном канцелярском языке: «Дневной режим учебы и комендантский час в ночное, то есть в рабочее демоническое, время резко снизили количество правонарушений с участием начинающих магов».

Потому на митинги и петиции никто из начальства не реагировал.

В этот вечер мы с Иреком подправили статистику.

* * *

Сначала все шло замечательно.

Выйдя из парка, Ирек свистнул извозчика, восседавшего на адской псине величиной с теленка. Средство передвижения было в наморднике и шипастом ошейнике. Чем их кормят, лучше не задумываться, но слышала я байки, что иногда и чересчур жадными пассажирами.

Цокая когтями по мостовой, псина лениво тащила двуколку по улочкам. Наконец-то я могла полюбоваться эффектными ночными видами темной столицы.

Кардерг днем и Кардерг ночью — это разные города, совмещенные в одной географической точке. Перед тем, как покорять столицу Темного Трона, я назубок изучила голографические карты темной столицы. В двух экземплярах пришлось изучать, вечно от этих демонов морока!

Все насмешки белых кланов над примитивным варварством темных относятся именно к их дневным городам. При свете солнца это маловыразительные нагромождения глыбистых зданий, более уместные где-нибудь в горах. Со своей склонностью к глобализму демоны строят не дома, а монументы — высоченные, угрюмые, испещренные вертикалями колоннад.

Разумеется, все здания — из темно-серого гранита, черного мрамора или искрящегося железистого камня, тоже угольных расцветок. Кто бы сомневался. Ничего белого в обиходе, упаси бездна. Серебро, и то специально чернят.

К желтым, бледно-голубым и салатowo-зеленым цветам спектра у демонов тоже стойкое отвращение. У них если уж зеленый, то благородно-малахитовый. Если уж синий, то глубокого вечернего неба. Если уж желтый, то исключительно красное золото.

Днем Кардерг — это невыносимо унылое местечко, где висельник второй раз с тоски

удавится.

Зато ночью демоны отрываются по полной и на иллюминации не экономят. Столица меняется разительно, до неузнаваемости. На стенах вспыхивают всевозможные панно и граффити, невидимые днем. Подсвеченные колдовскими огнями здания словно парят в воздухе и становятся нереально красивы, хотя иногда и ужасающей красотой.

А если еще учесть, что высшие демоны крылаты, обожают сплошь черную одежду со светящимися декорами, а в полете не могут обойтись без спецэффектов, и небо над городом то и дело взрывается роскошными фейерверками ало-багровых или фиолетово-синих тонов, то ночной Кардерг — это сплошной праздник.

Я глазела по сторонам, раскрыв рот. Одно дело — объемная карта в храмовом классе, а вот она — настоящая демоническая жизнь.

Но тут с боковой улочки, затравленно озираясь, вылетела мантихора.

— Держи ее! — раздался крик, и следом за огромной клыкастой кошкой вылетел из того же переулка лысый демон с витыми рогами и татуировками по всему обнаженному торсу.

— Сам держи, — рявкнул возница, пытаясь развернуть заинтересовавшуюся псину.

Мантихора, видя, что спасения нет, атаковала наш шаткий двухколесный экипаж, попытавшись вытряхнуть из него пассажиров.

Ирек выставил магический щит, кошку отбросило на псину. Собачка с воем взвилась, извозчик — щупленький низший демон с обломанным рогом — грохнулся на мостовую, выпустив магические вожжи. А мантихора, не будь душой, вцепилась в песий загривок.

Ирек, попытавшийся перехватить вожжи, поймал только ядовитый хвост мантихоры. Кошка взрывкнула истошно, но не отцепилась, псина рванула вперед вместе с врагом на загривке и двуколкой, удержавшейся на колесах.

И понеслось...

Двуколку мотало из стороны в сторону, сшибая фонарики, сувенирные лотки и не сумевших вовремя увернуться, но успевших выставить шипы прохожих демонов. Я заподозрила, что экипаж был сделан из брони железного дракона, раз уцелел после стольких ударов.

Ирек, удерживая меня одной рукой, а второй — кошачий хвост, пытался то одарить меня успокоительным поцелуем, то остановить наконец наш транспорт. Не рукой, так магией. Но от тряски петли заклинаний срывались, парализующие шары промахивались. Похоже, парню просто жаль убивать животных. А меня, значит, ему не жаль? У меня даже повязка на ребрах раскрошилась, а скоро и ребра посыпятся!

Тут нас вынесло на ночной базарчик, судя по усилившимся воплям и проклятиям. Я едва успевала их отводить. Экипаж пронесся по рядам лавочек и значительно потяжелел: столько добра на нас свалилось.

Ограбив базарчик, мы понеслись в ночь. За нами мчалась уже половина населения, свистя, вопя и улюлюкая, но быстро отстала — огромная псина развила невиданную скорость, словно у нее выросли крылья.

Я присмотрелась к мельтешению впереди: кошка все-таки свалилась с собачьего загривка, но запуталась в постромках, и теперь бежала рядом, бок о бок, унося нас от праведного гнева пострадавших. А негодяй Ирек только хохотал, крепко обняв перепуганную меня, и наслаждался бешеной скоростью.

До тех пор, пока мы все не сверзились в реку. Неглубокую, к счастью. Но ударопрочная двуколка рассыпалась наконец.

Ирек первым делом вытащил меня на бережок, затем выловил несчастных полужадушенных животных и занялся осмотром ран от когтей на собачьем загривке, а мантихора, виновато мяукнув, попыталась их вылизать. Из ее лапы тоже текла кровь — зверюга поранилась о шипы ошейника жертвы.

— Круто покатались, — я осмотрела склон берега, устланный свалившимся с двуколки барахлом.

С какого-то кустика свисали бусы и шаль с кистями — уж не по гадальной ли лавке мы проехали? Поодаль валялся кожаный пояс с пристегнутыми ножнами — дань с оружейных рядов. Подобрал новенькую, в упаковке, батистовую рубашу, я разодрала ее на бинты, и вдвоем с Иреком мы быстро управились с перевязками звериных ран.

— Такая уж у нас с тобой карма, Лика, — рассмеялся парень, сверкнув белыми зубами. — Как кремень и кресало. По отдельности — тихие и мирные, но стоит им столкнуться...

— Это ты-то тихий-мирный демон? За что же тогда тебя выгнали из Академии?

Он мгновенно помрачнел и отвернулся.

Официальную версию отчисления Ирека мы с Мирандой уже знали: парень вдребезги разругался с ректором и просто не явился на летнюю сессию. За прогулы и отчислили. А ведь он считался одним из лучших учеников Академии. Но вот что послужило истинной причиной — никто толком не знал или не хотел говорить.

— Ирек, а не пора ли нам убраться отсюда? — прислушалась я к далекому шуму поднятого на рога города. — Сейчас сюда пострадавшие примчатся и нас растерзают.

— Не найдут, — усмехнулся он. — Как только мы вырвались из пределов видимости, я заклинание отвода глаз поставил.

— По следам найдут, — я погладила свернувшуюся клубком мантихору. Пальцы нащупали неровности под густой шерстью. — Да она вся в шрамах!

— Это бойцовая кошка. Сбежала от хозяина, похоже. Такие экземпляры с серебристой шерстью — особо ценные. Смотри, какая сильная. Будут искать.

Мантихора мгновенно вздыбила загривок и зашипела. Притихший пес зарычал. Еле успокоили.

— Ирек, я ее в свой зверинец заберу!

— Чтобы она всех горгулий сожрала и грифоном закусилась? Лучше я ее к другу пристрою. Кстати, нас все-таки почти довели до места. Друг живет в паре кварталов отсюда. Но... знаешь, у тебя такой видок, что нас остановит первый же постовой мракар. Они теперь все по тревоге подняты.

Со стороны города действительно доносились вой сирен и звуки свистков: мракармия наводила порядок.

— Что-то не заметила я этих постовых во время гонки, — проворчала я, оглядывая себя и ужасаясь. Раскрошенный и размокший гипс повязки превратился в кашу и держался только за счет магии. Грязные струйки стекали по телу, намочили мой любимый жаропрочный и кислотоустойчивый комбинезон изнутри и просочились, нарисовав на руках и открытых бедрах прихотливую серую сеточку. Кое-где гипсовые арабески уже затвердели. Ничего, река рядом, песочком ототру.

— Мне надо помыться, Ирек. Отвернись.

Он сел спиной и даже пса отвернул, чтобы не подглядывал.

— Как бы этот магический каркас снять! — взмолилась я после безуспешных попыток

освободиться от остатков бывшего бронелифчика.

— Я бы помог, но ты просила отвернуться, — подал голос мой спутник.

Поколебавшись, я сняла сапоги, комбинезон, стащила с головы упирающуюся Шу — еще утонет! — прикрыла разрисованный пупок ладонками и встала спиной.

— Можешь повернуться.

— Хм... прикольные трусики, — оценил он мой розово-желтый, без единого зеленого пятнышка пояс целомудрия.

Парень подошел так бесшумно, что я вздрогнула, когда моей кожи коснулись жаркие ладони. Снимать каркас он начал почему-то с моей шеи, помогая губами и щекоча языком.

— Ты решил его съесть? — поинтересовалась я.

— Ммм... — невнятно промычал он, медленно скользя губами и зацеловывая плечи.

— Мррр... — нежно отозвалась с берега мантихора.

Огромная псина шумно вздохнула и вильнула хвостом.

Ирек одной рукой обвил меня за талию. Кончики пальцев его второй руки пробежали по моему позвоночнику, повергая меня в дрожь, обрисовали лопатки, чуть задержавшись там, где должны быть крыловые щели и где теперь была особо чувствительная мембрана с наложенной сложной иллюзией. Еле сдержалась, чтобы не захихикать. Щекотно же!

Потом его губы вернулись к моей шее, а обе ладони скользнули и взяли груди, как в чаши, а пальцы нежно сжали соски, и никакой магический каркас им не помешал!

— Уже все? — потребовала я отчета.

— Нет, я только начал, прекрасная, — прошептал Ирек на ушко, заодно чуть прикусив мочку.

Продолжая плотно прижимать меня к себе и ласкать одной ладонью, нахал попытался снять с меня не только магический каркас, но и пояс. Ну-ну. Между змеиной и моей кожей и волос не просунешь, не то что наглую мужскую лапу!

— Ты зачем это на себя нацепила, Лика? — возмущенный Ирек развернул меня к себе лицом.

— А чтоб не лезли всякие шаловливые ручонки без моего разрешения! — показала язык и тут же поплатилась — он взял мое лицо в ладони и закрыл мне рот поцелуем.

— Ммм... — попыталась я вырваться, но мои ладони были заняты маскировкой пупка, даже когти не выпустить.

— Мррр... — заурчала мантихора.

Пес согласно чихнул.

— Ах, так? — Ирек подхватил меня на руки и понес в воду. Холодную!

Через мгновение мне стало жарко. Беда в том, что в воде пояс целомудрия становится тонким, хотя по-прежнему таким прочным, что его не снять и не порвать. Но поры на змеиной коже расширяются, пропуская влагу, а тело чувствует прикосновения так, словно нет никаких препятствий. Ирек, посмеиваясь, смывал с меня следы гипса и при этом ласкал беззастенчиво и грудь, и бедра, и... — нет, живот не дам! это святое! — и якобы ненароком скользил ладонью между моих дрыгающихся ног.

— Пусти, я сама себя помою! — вопила я, отталкивая настырного парня.

— А что ты за живот держишься? Болит? — он перехватил мою руку, отвел и замолчал. Увидел печать. И сразу отпустил меня. — Интересное сочетание.

— Что тут интересного? — процедила я.

— Пояс целомудрия на собственности принца.

— Я не собственность этого мерзавца!

Оставив меня в покое, парень ушел на бережок. Я, вне себя от ярости, долго булькала на мелководье, оттиралась песком, но проклятая печать, конечно, не отскреблась. Хотелось плакать от обиды и злости. Но я же сельо. Нас учат управлять эмоциями. Причем не только своими.

Когда я выбралась из воды, мрачный как туча Ирек протянул мне найденную шаль. Вытерлась и выбросила. Он протянул мне еще какую-то тряпку.

— Надень, нашел вот. Твой комбинезон уже засох, как корка. И прости меня, Лика. Сорвалось.

Тряпка оказалась дешевенькой подделкой под вечернее платье от знаменитого темного кутюрье Жанэйра. Бусы, свисавшие с ветки, я тоже прибрала, но Ирек покачал головой.

— Я нашел кое-что получше. Не знаю, какую палатку мы разгромили, но такие чудеса даже на нашем знаменитом базаре редки.

Сельо хорошо видят ночью, но мне показалось, что глаза меня обманывают. На ладони Ирека лежало баснословно роскошное кольцо — тончайшая цепочка из черного золота, а на ней в ажурной сетке из красного и черного золота светились изменчивыми тонами полушарие из крупного селениса, что дороже алмазов, обрамленное созвездием из сапфиров и изумрудов.

— Ты лжешь, Ирек, — подняла я взгляд на парня. — Такое не могло валяться на прилавке рыночной лавочки. Даже по узору видно, что это древняя вещь. А уж камень! Селенисы все наперечет в мире, полсотни не наберется. А таких крупных известно всего четыре штуки, и рождаются они раз в тысячелетие.

Он пожал плечами, кивком головы показал на пояс с ножнами, так и валявшийся на пляжном песке:

— На нашем базаре можно обнаружить что угодно. Если уж мы с тобой ритуальный кинжал эпохи Шарх где-то случайно подцепили... А их, в отличие от каких-то камушков, всего два было создано в мире, и больше не будет. Теперь я верю, что пословица: «На базарах Кардерга можно купить и солнце», — не преувеличение.

— И ты предлагаешь мне надеть эту роскошь в какую-то забегаловку? Снимут вместе с головой! Лучше уж бусы. Нет, я не возьму такую вещь. В конце концов, она наверняка заклята от кражи и потери. Надо это вернуть хозяевам. А что за кинжал?

Ирек вздохнул:

— Ну ты хотя бы примерь эту красоту, дай полюбуюсь. Когда еще увижу два таких сокровища вместе.

— Я тебе не подставка для кольца! — проворчала чисто для порядка. Мне и самой жутко хотелось посмотреть на себя в этом потрясающем украшении.

Селенисы, изменчивые, как сама любовь, особо ценились и у светлых, и у темных кланов из-за магических свойств. Этот камень — самое ценное подношение богине Лойт. На главной статуе богини красовалось ожерелье из семи селенисов, и один из них — крупнейший в мире. У верховной жрицы Лойт была подвеска с камнем, куда меньшим, чем в колье, найденном Иреком, а пять старших жриц довольствовались камнями размером с жемчужину.

В сокровищнице лунных дев постепенно осела половина открытых в мире селенисов. Тех, о которых известно. Верховная мечтала прибрать к рукам все, чтобы увеличить силу сельо, потому лунные девы знали описания украшений и охотились за ними при случае. Но я

никогда не слышала о подобном ожерелье.

Ирек надел на меня драгоценность. Щелкнула застежка, а его пальцы все еще поглаживали мою шею, скользя вдоль цепочки. Поднялись к подбородку, обрисовали овал лица, губы. Меня опять кинуло в дрожь, а колени предательски ослабли. Он вовремя обнял за талию.

— Тебе очень идет, — прошептал хрипло. — К твоим чудным глазам. Видела бы ты себя, прекрасная.

— Ой, я тоже хочу посмотреть, — смутилась я, ощупывая тяжелое украшение. Вот так нас, девочек, и топят с камнями на шее...

— Идем, — улыбнулся он. — Мой друг нас уже дождался.

Он подобрал пояс с кинжалом, наполовину вытащил оружие из ножен, и мне почему-то очень не понравился его короткий взгляд на меня. Холодно-оценивающий.

— Так что там за история с ритуальными кинжалами эпохи Шарх? — спросила я.

— Это подделка, — сказал Ирек, пристегнув ножны к своему поясу. — Таких полно на любом базаре, в каждой оружейной лавке. И каждый хозяин, в расчете на дураков, будет утверждать, что у него настоящий. Неужели никогда не слышала о «близнецах Ошсах»?

— Как же не слышала... — побледнела я. С чего бы Иреку брать подделку, да еще дважды проверять, хорошо ли пристегнул ножны?

Легенда гласила, что кинжалы-близнецы Ошсах вдвоем способны пробить абсолютно любую защиту. И выпить всю силу мага.

Именно из-за этих кинжалов, точнее, из-за их создателя, темного владыки Ошсы, убившего из ревности светлую королеву-магиню и поднявшего ее труп, кончился золотой век всеобщей дружбы и единения и мир опять раскололся на люто враждующих светлых и темных.

По отдельности кинжалы не так сильны, уже не любую магию могут сломать, да еще если на шее такой крупный селенис, успокаивала я себя, сидя на спине смиренной, как овечка, адской псины. Ирек шагал рядом, намотав на руку поводья, а мантихора, решившая сменить хозяев, хромала на трех лапах рядом.

* * *

Мы поднялись на высокий берег, усеянный маленькими домишками за глухими заборами. Тишина на окраине столицы стояла жуткая, темень — глаз выколи (светлый глаз, естественно, темные во тьме — как рыба в воде), только где-то совсем вдалеке кипела ночная жизнь столицы. А жители окраин, по-видимому, все ушли на промысел.

Мой спутник остановился у калитки в высоком каменном заборе, снял с плеча улизнувшую туда рыжую Шурку, обмотал мне шею, как меховым боа.

— Маскировка, — сказал без улыбки. — Колье не снимай. Заклятий на нем нет, я проверил. Потом иллюзию наложим, а пока так походишь. И в Академии тоже. Вообще никогда не снимай, даже если мыться будешь.

— Оно тяжелое, — пожаловалась я.

— Жизнь еще тяжелее, а привыкаешь, — вздохнул он, толкнул калитку, и мы вошли в запущенный сад, сплошь заросший кустами волчьей ягоды и хризантемами пополам с крапивой и чертополохом. Шу на моей голове оживилась и потянулась волосками локонов к

ягодам.

Пока мы из-за решившей перекусить зверушки медленно передвигались по диковинным зарослям без тропинок, позади с сухим шелестом осыпались высосанные шкурки плодов, а шерстка Шу, покрасившаяся было в радужные тона от впитанной краски с моих волос, почернела.

Ирек снял меня с псины и, приказав средству передвижения сидеть и не гавкать, так на руках и внес меня в покосившийся от старости дом, пнув дверь ногой. Киска, шнырявшая по кустам, тут же пролезла вперед, и парень споткнулся, наступив ей на хвост, но сжал меня еще крепче, а я вцепилась в его плечи, увидев спину его друга.

Нас действительно ждали.

— Пришел наконец, — глухо сказал сидевший за столом, медленно поворачивая голову. — Девчонку доставил?

— Да, господин.

Предатель Ирек! — оборвалось сердце.

— Мы на минутку, в зеркальце посмотреться, и в «Пляску скелета» пойдем, не будем вам мешать, — выпалила я на одном дыхании, не в силах отвести взгляда от изуродованной, ободранной до проступавших ребер спины высшего демона, из которой торчали обломки крыла. Второе было вырвано с мясом, даже лопатка сломана. Сверху мерцала целительная магическая пленка, но уже ясно было, что летать этот высший уже никогда не будет.

Он с трудом повернулся. Длинная седая прядь падала на еще молодое, почти без морщин лицо, заслоняя выдавленный глаз. Второй, синий, как у Дьяра, — особенность царствующей династии — ярко светился.

— Будет тебе зеркальце, сельо, — сказал владыка Темного Трона. — И пляски. Посмертные.

Глава 8

Ли́ка и ни́щий. Легенда номер два

Ирек, фыркнув, поставил меня на пол, опустил ладонь на рукоять того самого кинжала.
— Ты обещал без угроз, владыка.

— Да. Убивать надо сразу, без угроз, — криво усмехнулся Сатарф. — А раз я заговорил с сельо, то и жизнь ей оставляю. Ирек, ступай.

Тот как не слышал. Владыка приподнял бровь, горькая складка пролегла у губ.

— Что, моих приказов можно уже и не слушать?

— Я хотел показать тебе вот эту находку, владыка, — отстегнув ножны, парень протянул кинжал рукоятью вперед. И рассказал, при каких обстоятельствах он к нему попал.

— Так эта суматоха — ваших рук дело? — фыркнул Сатарф, внимательно рассматривая оружие.

— Не наших, и не рук, а лап мантихоры.

Владыка положил кинжал на стол.

— Это не подделка, Ирек. Один из настоящих «близнецов Ошсах», которыми меня и... подрезали, — синий глаз впери́лся в меня. — Поздравляю. За такую находку прощу вам обоим все грехи. И мантихоре, так и быть, — демон опустил взгляд на свернувшуюся у его ног «киску». — Попробуем восстановить ваш путь и вычислить, где вы могли подцепить кинжал. Передай его и животных Сэйвану, Ирек. Слышал я, разлученные «братья Ошсах» стремятся соединиться. Может быть, нам повезет отыскать второй кинжал и вырвать зубы у змеи. Без них он не закончит то, что начал.

Второгодник слегка покраснел, но не пошевелился. Владыка устало усмехнулся.

— Ступай, парень, ничего я не сделаю малышке сельо. Поговорить нам надо.

Ирек, забрав кинжал и уцепив за ухо мантихору, вышел, но перед уходом бросил такой грозный взгляд на владыку, что тот закашлялся в кулак. Как только за парнем закрылась дверь, Сатарф расхохотался:

— Вот паршивец! Мне угрожать! — но через миг улыбка слетела. — Впрочем, теперь каждая букашка может попробовать залезть на Темный Трон. Ты понимаешь, малышка сельо, что теперь, когда ты меня увидела... таким... либо мы договоримся, либо...

Я кивнула. Что тут не понимать. Если что, живой меня не оставят. Сатарф и сейчас может раздавить меня, как ту же букашку. И вон те тени по углам — наверняка не просто тени. И неслучайно владыка решил показать мне сразу истинный свой вид. Мог бы и иллюзию наложить, но предпочел правду.

— Сядь, — он указал на скамью. — Чтобы не терять времени, скажу, что мне уже известен твой разговор с мадам Кикерис. Повторяться не надо. Начнем с твоего настоящего имени, Ли́ка Тария.

— Аэлика Интаресс из клана Лунных дев, — представилась я, прежде чем сесть на лавку напротив владыки.

— Твоя богиня сошла с ума, если отправила ко мне именно тебя. Интаресс! И та самая Аэли! — он стиснул зубы, гася вспыхнувшее бешенство, и положил ладони с вырванными когтями на стол. — Видишь это?

Я кивнула, судорожно сглотнув. Словно можно проглотить страх, комком вставший в горле.

— Не ты ли обещала моей дочери Зарге, что вырвешь когти Темного Трона? Проклятия сельо всегда сбываются, — владыка сжал кулаки, спрятав изуродованные пальцы.

Как и клятвы Темного Трона, некстати вспомнила я и поежилась.

— Это были ненависть и ярость семилетней девчонки, но не проклятие, — тихо ответила я, опустив глаза под сверлившим меня синим оком. — Я вовремя сбежала, не дошло до этого. Унижения в плену — еще не повод для проклятия сельо. Богиня не приняла бы мою месть на себя. И я тогда имела в виду не Темный Трон, а только Заргу...

— Кто еще слышал твои слова, кроме моей дочери?

— Никто! — подумала под пронзительным синеоким прищуром и добавила: — Не знаю.

— Но богиня всегда слышит своих жриц. Кто знал, кроме Лойт?

— Верховная жрица. Она осматривала меня после возвращения и принимала исповедь. Но десять лет прошло, владыка. Даже если кто-то случайно услышал, или ваша дочь кому-то сказала, кто мог помнить какую-то пленницу?

Он усмехнулся:

— Какую-то? Удивительная скромность для дочери таких родителей...

— У жриц Лойт только одна мать — богиня.

— Не лукавь, дитя, — поморщился Сатарф. — Ты носишь фамилию своей родной матери Эльды Интаресс.

— Но все наши отцы — безымянны.

— Не поверю, чтобы ты не знала, кто твой отец.

Я пожала плечами.

— Никогда не интересовалась его личностью. И знать не хочу.

— Узнаю характер Эльды. Даже дочери не сказать! А ты знаешь о том, что твоим отцом мог быть я, Аэлика?

— Я точно знаю, что это не вы. Это так важно?

— Да. Я бы не стал тратить время на пустую болтовню с сельо. Видишь ли, раз уж богиня не взяла на себя месть за твое унижение, это мог сделать твой отец. Он светлый маг.

Вот, нервно сглотнула я. Чувствовала же, что-то не так с папашей. Ну, мама... Как она могла?!

— Довольно сильный маг... хм, — Сатарф горько усмехнулся какому-то своему воспоминанию. Видимо, в отличие от меня, он с моим папочкой встречался. — Он мог узнать об обстоятельствах твоего пленения и много лет спустя. Я поначалу так и решил, что это он заманил меня в ловушку. Но оказалось, я погнался за серийным убийцей, а до таких убийств твой отец не опустится ни при каких обстоятельствах, хотя и он не святой.

— Так вы знаете, кто убийца? Вы поймали его? — подалась я вперед.

Сатарф отрицательно качнул головой.

— Это он поймал меня. Меня! Знаешь, девочка, в чем главная слабость магов, особенно высших? Мы слишком привыкаем к могуществу. Наша магия неисчерпаема, как воздух, естественна, как дыхание. И когда нас внезапно лишают ее двумя уколами древних кинжалов... Самое отвратительное — я так и не увидел своего врага. Мне его не узнать, даже если буду говорить с ним лицом к лицу, как сейчас с тобой. Интересно, на что рассчитывала Лойт, отправляя тебя на смерть? Или это ее изощренная месть твоей чересчур самостоятельной матери?

— Никто же не подозревал о древних кинжалах-близнецах...

— Теперь ты знаешь и сможешь рассказать своему клану. Открою тебе еще одно: я

встретился и говорю с тобой по просьбе твоего отца. М-да... Не думал, чтокогда-нибудь... хоть один светлый, да еще тот, кто... — он хрипло рассмеялся, снова резко оборвав смех. — Ты немного развлеклась тут, девочка, теперь собирайся и уезжай. Если Лойт решила поучаствовать в совместной охоте на убийцу, я не буду возражать, но пусть на роль живца придет кого-нибудь другого.

Я чуть не заплакала от досады, но это мы тоже предусмотрели.

— Тогда она придет мою маму.

— Нет! — процедил владыка. — Я поклялся, что ноги ее не будет в моей стране.

— Тогда остаюсь я.

— Я обещал твоему отцу...

— Если темный владыка не сдержит обещания какому-то светлому, этому никто не удивится. И я хочу учиться!

— Я поддерживаю мысль Дьяра, что девушкам не место в Академии Тьмы. Особенно если это дочь светлого мага.

— Женоненавистники! — не сдержалась я. — У меня мама была темной!

— Была когда-то, — кивнул Сатарф. — Наполовину. Только демоница может со спокойной душой отправить несовершеннолетнюю и необученную дочь ловить маньяка, способного хитростью справиться даже с темным владыкой.

— Мы еще не знали о том, что с вами случилось... Пожалуйста, не прогоняйте меня. Богиня прогневается. Она меня так проклянет, что смерть будет благом! Прошу вас! Я больше не буду громить Академию! Не буду пугать столицу по ночам и забираться в вашу постель...

И глазки потупить этак скромненько.

Сатарф рассмеялся.

— Какая прелесть! Что же ты делала в моей постели, девочка? Поджидала моего возвращения? Лойт решила искупить свою старую ошибку и прислала мне вместо Эльды ее дочь? Я не сплю с детьми, малышка, передай своей богине. А с жрицей Лойт я не лег бы в одну постель за все блага мира. И своим детям запретил. Как ты попала в мои покои?

— У ваших детей плохая память на запреты.

— У Дьяра, так и говори! — вперился в меня синеокий взор. — Зарга не посмела бы. Значит, ты все-таки добралась до моего сына. На метке не успокоилась. Он и есть истинная цель твоей богини, а тут подворачивается такой праведный повод — поймать и наказать убийцу девственниц. И Лойт присылает в Кардерг дочь женщины, которую я любил. Посылает тебя, зная, что эту селью, так похожую на свою мать, я не только не смогу убить — волосу не дам упасть, пока не выдворю из страны. При этом коварная лунная дрянь, эта ваша так называемая богиня, сообщает твоему отцу, в какой опасности его дочь, и светлый — подумать только! — готов на колени встать передо мной, лишь бы темные тебя упаковали и отдали не богине и не родной матери, а ему в руки, целой и невредимой. Впервые за тысячелетие темные и светлые нашли общий язык. Оказалось, мы оба ненавидим Лойт. Какое совпадение! Зачем богине понадобился мой сын? Мальчиков не нашлось для жертвоприношения? — неожиданно закончил он жаркую тираду.

— Какого жертвоприношения? — в изумлении хлопнула я ресницами.

— А лунная дева и не знает о традиционной Столетней Мистерии, для которой как раз подходит срок?

— Вы имеете в виду Лунную Мистерию? Но на ней не совершается жертвоприношений! Только определяется на сто лет, какой стороной повернется двуликая богиня Лойт к миру,

темной или светлой.

— И гадание проводят на... прости за подробность... детородной части тела молодого неженатого мужчины, прошедшего ночь с богиней Лойт, точнее, с ее верховной жрицей. И после искалеченный избранник богини становится главным евнухом при храме. Маленьким невинным лунным девам не сообщают такие нескромные детали?

— Нет! — меня замутило от отвращения. — Откуда же они известны вам, если даже для нас — тайна? Это неправда!

Я не поверила. Но евнухи в храмах были, тут нечего возразить. И не только древний Фашар, прислуживавший нашей такой же старой верховной жрице. Все мужчины, служившие храму, были евнухами, иначе их не подпустили бы к девочкам.

— Я уже давно живу на свете, Аэлика, чтобы не знать таких интересных тайн, от которых зависят судьбы мира. Сто лет Лойт смотрит на мир темным оком. Ваша верховная — предательница, бежавшая из темных кланов ради такой мести, какую не могла ей дать даже кровь демонов. И, насколько я ее знаю, она не захочет уйти добровольно, когда придет срок Мистерии. Что тебе приказала богиня?

Даже изуродованный владыка Темного Трона был силен и красив, если только не обращать внимания на рану на месте левого глаза, прикрытую седой прядью, свисавшей до волевого подбородка. Мощь сквозила в каждом движении его полуобнаженного тела. Перекачивались мышцы под блестящей от целительной мази смуглой кожей, упрямо сжимались чувственные губы, гневно трепетали ноздри прямого аристократического носа. На кого же мама променяла такого мужчину?

— Я жду, Аэлика. Ты не выйдешь отсюда, пока я не услышу правду.

Под его сверкавшим сапфиром взглядом и дуб бы раскололся. Я вздохнула и выложила первую порцию дров для будущего пожара:

— Может быть, то, что вы знаете о Лунной Мистерии, и правда, я не знаю, речь о ней не шла. И о том, чтобы привести Дьяра в храм приказа богини не было.

— А чей был? — тут же спросил проницательный владыка.

— Верховной жрицы. Но был не приказ, а совет, — призналась я, поразившись его проницательности. Впрочем, мама меня предупреждала: дураков на Темном Троне не бывает. Даже странно, что у Сатарфа наследник такой дурак, кстати.

Владыка иронично молчал, намекая на подробности. Да пожалуйста.

— Богиня приказала мне охранять вашего сына, а верховная сказала: если не будет иного выхода при серьезной угрозе для его жизни, то я должна воспользоваться магией сельо и увести вашего сына мостами богини, а они всегда ведут в ее храм. Дьяру грозит другая опасность, более реальная. Кто-то решил устранить наследника и занять его место, а затем и ваше, владыка. Возможно, кто-то из «серых теней», не берусь утверждать.

— Это невозможно. Ни одна «тень» не существует без хозяина. Любая иллюзия временна и быстро исчезнет без подпитки, как исчезает отражение в зеркале. Никому не удержать личину после смерти первоисточника. Но вот если спрятать Дьяра в храме Лойт как евнуха, то «тень» может носить маску очень долго... Дальше!

— Богиня напугана, владыка.

— Какое ей дело до смены власти на Темном Троне?

— Это только часть происходящего. Вторая часть — ритуальные убийства. Вы уже поняли, что задумал убийца, для какого ритуала он собирает сердца жертв?

Сатарф передернул плечами и брезгливо поморщился:

— Мало ли для каких ритуалов требуются сердца девственниц.

— Например?

— Это запрещенные даже у демонов ритуалы, и маленьким сельо знать о них не положено.

Р-р-р-р. Сдержалась. Только верхняя губа раздраженно дрогнула. Продолжила подчеркнуто холодно:

— Перед смертью сельо передавали богине все, что могли, но это немного. Видения, уловленные с помощью Лойт нашими жрицами, смазаны. Напавший выглядел как «серая тень», опознать невозможно. Но одна передала безликий образ в мантии магистра Академии, вторая уловила, как через говорящий шар к убийце обратился женский голос с приказом не медлить... с доставкой. Когда это видение с помощью богини было передано мне, я узнала говорившую.

Он понял мгновенно, стиснул кулаки.

— Ты хочешь сказать... маньяк действовал по приказу моей дочери? Не верю. Ты могла ошибиться.

— Мне слишком часто снился этот голос, владыка.

— У тебя есть причина для мести, Аэлика.

— Уже давно нет, — улыбнулась я. — Мне достаточно было посмеяться над Заргой, чтобы очиститься от ненависти и желания мстить. Если вы не верите мне, Лойт может сама передать вам это видение, и вы услышите.

— Двуличной и лживой богине я тем более не верю. Голос можно исказить, подделать. Даже безмозглые попугаи на это способны, а маги тем более. Я бы поверил свидетельству поднятого трупа, они не лгут, но сельо их не оставляют. Зачем моей дочери эти убийства? И разве она приказала бы сотворить такое со своим отцом? — он разжал кулаки и, приподняв ладони, глянул на изуродованные пальцы. — Вот потому я и спросил, кто еще слышал твои угрозы, девочка. Это была бы хорошая зацепка.

Мне нечего было добавить к уже сказанному. Никто, кроме самой Зарги. Но я промолчала.

Не дождавшись моей реплики, Сатарф задал наконец главный вопрос:

— Что же все-таки так напугало Лойт, почему она осмелилась вмешаться во внутренние дела Темного Трона и как с этим связана угроза жизни Дьяра?

Я перевела дух. Если уж владыка сразу не прибил меня за такое подозрение на члена правящей династии, то, может, и поверит или хотя бы задумается и начнет расследование.

— Ваше всемогущество, — начала было я, но он так поморщился, что сразу отбил охоту к реверансам. Мой голос стал равнодушно-отстраненным, как всегда, когда мне доводилось вспоминать о своем позорном пленении. — Я была пленницей вашей дочери, как вы знаете. Когда Зарга пытала меня или заставляла присутствовать при ее развлечениях, а это тоже было пыткой для сельо, она часто говорила, что должна была родиться мужчиной. Что она, а не принц Дьяр, должен быть вашим сыном, достойным короны Тьмы и Теней. Вряд ли за прошедшие с тех пор годы темная принцесса поменяла взгляды. А теперь кем-то готовится древний и страшный ритуал, способный насильственно изменить естество вещей. Ритуал затрагивает самую суть Лойт, богини любви, дающей естество при зачатии ребенка.

— Богини измены — будет точнее, — дополнил Сатарф.

Между его черных бровей пролегла гневная складка, и голос был чересчур ровный. О Лойт, похолодела я, он страшен даже такой, изувеченный. Каков же он был, когда обладал

полной силой?

— И эту особенность изменчивости богини кто-то хочет использовать, — не стала я вдаваться в теологические споры. — Ритуал запрещен еще в седую древность. Если убийца его завершит, богиня перестанет существовать, она необратимо изменится. Последней, замыкающей круг жертв, будет такая, чей облик и чью суть злоумышленник собирается присвоить навсегда. «Женский круг» замыкается мужским сердцем, и наоборот. Сейчас, как вы понимаете, строится «женский круг».

— И в итоге женщина станет мужчиной? А побочный эффект коснется Лойт, она будет не богиней, а божком любви? Неплохая месть для нее. Если бы это не касалось моей семьи и подданных, я бы только приветствовал. С мужчиной легче договориться. Но ты меня не убедила. Зарга... несчастная девушка. В ней слишком много силы и ярости. Ей действительно лучше было родиться мужчиной, но она не настолько хитра, решительна и властолюбива, чтобы пойти на такой чудовищный замысел. И откуда ей знать о давно забытом ритуале?

— Ей мог подсказать тот маг. И я думаю, принцессой просто воспользуются. А ритуал завершит тот, кто надеется захватить ваш трон.

— Что-то в этом есть. Вот почему он меня не убил сразу, а заковал... — задумался Сатарф. — Зачем охотиться за моим наследником, когда я сам сделал такую глупость — попался в его руки?

Я отрицательно мотнула головой:

— Не вы цель, владыка. Иначе убийца не изувечил бы ваше тело.

— Что ж, мне надо обдумать все это. А тебя все-таки я отправлю к папе.

— Нет. Пожалуйста. Я все равно сбегу и вернусь, а время потеряю. Лучше меня приманку не придумать, да и поздно уже придумывать.

— Храбрая девочка, — усмехнулся он, протянув ко мне руку через стол. — Совсем как Эльда. Безумно похожа, особенно если ты закроешь глаза.

Он осторожно коснулся моих век, и я их опустила.

— Ее лоб, ее летящие брови, тонкий нос, — перечислял владыка, и я чувствовала, как невесомо, не касаясь, обрисовывает его ладонь мои черты — по жару, исходившему от кончиков его изуродованных пальцев. — Ее овал лица, губы... Эльда... Позволь тебя поцеловать.

Когда и как перестал существовать разделявший нас стол, я не увидела и не услышала — в один миг отвергнутый моей матерью мужчина оказался рядом, поднял меня за согнутые локти и взял в ладони мое лицо. Никаких позволений он не стал ждать, я и охнуть не успела, а его мягкие губы уже коснулись моих, завладели — и бережно, и настойчиво, и так жарко, словно мои губы и сердце окунули в пламя. Магия мужчин Темного Трона неотвратима даже для жриц Лойт!

«Мама! — мысленно завопила я. — Забери от меня своего мужчину! Как ты могла такого бросить? Он тебя до сих пор любит!»

— Отец! — раздалось как гром. — Ты, помнится, клялся, что никогда больше не прикоснешься к сельо!

Ух, какой злой принц! Глазищи сверкают, угольно-черные перья встопорщены, руки на груди сложены, чтобы не распустить ненароком, на щеке полыхает предупреждающее «гад». Грозен и решителен. Боюсь.

Сатарф, как не слышал, пощекотал кончиком языка уголок моих губ, вызвав дрожь во

всем теле одним касанием. Я хихикнула. Он лукаво улыбнулся, отстраняясь, озарив ярким сиянием ока, шепнул:

— Сейчас мы ему устроим, — после чего взял мою руку, поднес запястье к губам и сказал, целуя: — Я ничего не говорил о прекрасных полукровках, — и поцеловал второе запястье. — И надо спрашивать разрешения, прежде чем войти, невежа.

— Я спрашивал, но ты так увлекся моей девушкой, что не услышал. Раз запрета не последовало, я вошел.

— Твоей девушкой? — отозвался владыка, целуя мне ладошку так щекотно, что я едва сдерживала смех. — Ты настолько самонадеян, Дьяр, чтобы думать, что все девушки — твои? — вторая ладошка. — К тому же Лика — твой подарок мне, доставленный тобой прямо в мою постель, и я не стал обижать тебя отказом принять такой чудесный дар, — владыка нежно обнял трепещущую меня, проведя жаркой ладонью вдоль позвоночника. — Спасибо, мальчик мой, ты выбрал девочку мне по вкусу. Такая юная и невероятно нежная. Даже странно думать о ее профессиональном выборе. Боевой маг! Какой возбуждающий контраст!

— Отец! — принц, к моему удивлению, улыбнулся, внезапно успокоившись. — Прекрати меня дразнить. Ну, прости за то вторжение, я не хотел тебя оскорбить, просто не знал, куда ее спрятать от Зарги.

— Лукавишь, сынок, уйти ты мог куда угодно. Ты просто заигрался в кошки-мышки. Но эту прекрасную мышку я у тебя заберу. Точнее, кошечку с коготками.

Дьяр побледнел, но промолчал, неверяще глядя на отца.

— Ты ее недостойн, — владыка приподнял мне голову за подбородок, заглядывая в глаза. — Я бы никогда не оскорбил девушку, которую хочу... назвать своей, постыдной печатью на ее теле, даже если бы она уже принадлежала мне. А тебе, сын мой, это чудо вряд ли когда-либо будет принадлежать. Лунные девы никогда не были вещью для развлечения. Идем, девочка, если доверяешь мне. Здесь нет никаких условий для уединения!

[Купить полную версию книги](#)